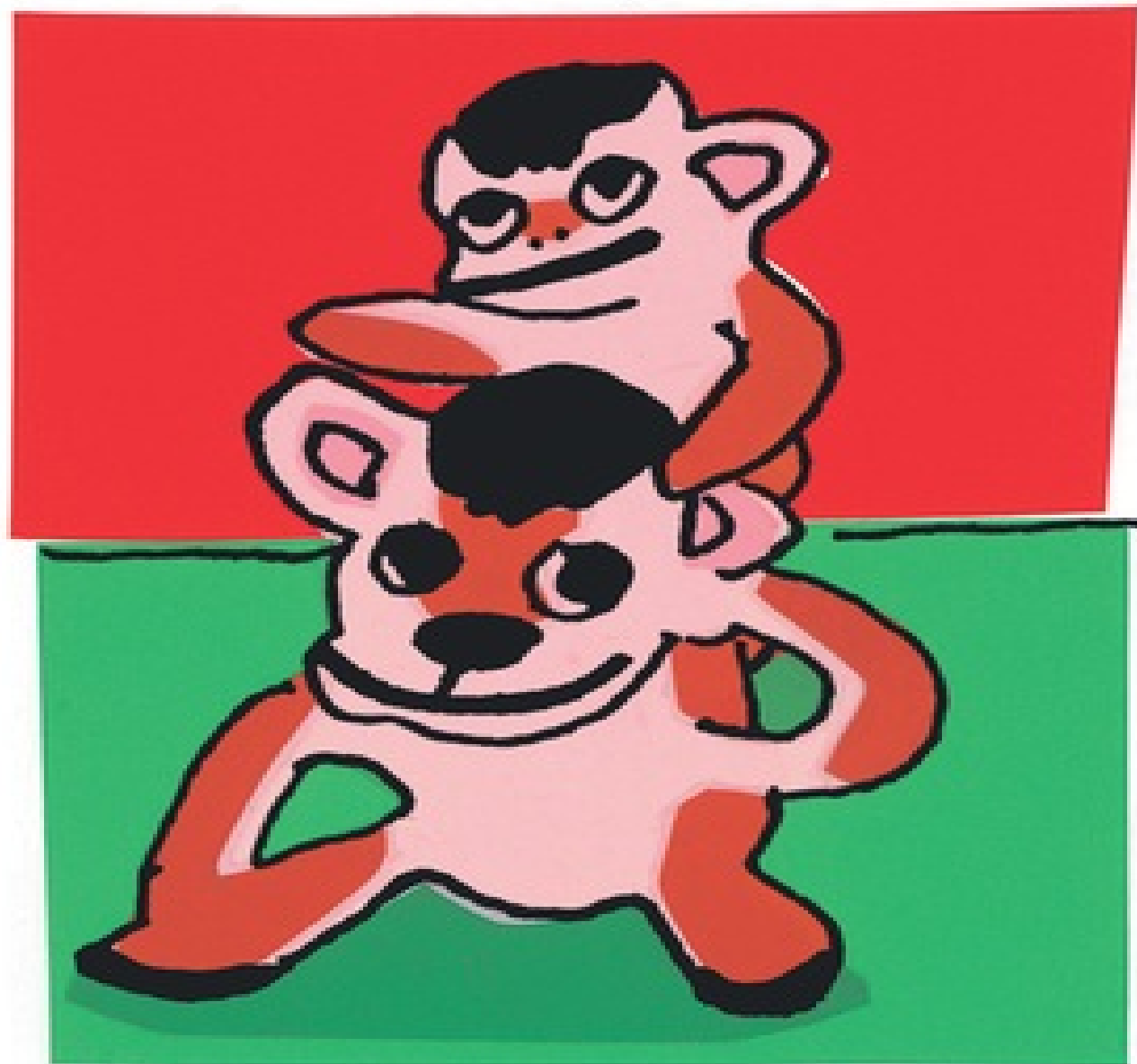

Харуки Мураками

Что ты дразнишься? — спросил я.
Что ты дразнишься? — сказала игрушка.

Игрушка в ночи

мураками
мариЯ

Annotation

Никто не скажет о предлагаемой вашему вниманию книге лучше, чем сам автор – наиболее знаменитый мастер современной японской литературы:

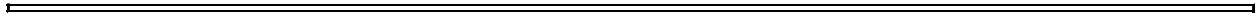
«Ультракороткие рассказы (вероятно, это странноватое название, но другого мне не приходит в голову) этого сборника на самом деле были написаны для серии журнальной рекламы. Первая часть – для марки одежды «J. Press», вторая – для перьевых ручек «Паркер». Хотя, как видите, содержание рассказов совершенно не связано ни с одеждой, ни с перьевыми ручками. Я просто написал их по собственному вкусу, Андзай Мидзумару сделал для них иллюстрации, а рядом с ними в журнале как-то виновато опубликовали рекламу товара. Серия рассказов для «J. Press» печаталась в журнале «Men's Club», серия для ручек – в журнале «Тайе». Не знаю, насколько эффективными они оказались с точки зрения рекламы, – и, честно говоря, даже думать об этом не хочу».

Впервые на русском.

- [Харуки Мураками](#)
 - [I](#)
 -
 - [Горн](#)
 - [Точилка](#)
 - [Хулио Иглесиас](#)
 - [Машина времени](#)
 - [Картофельные крокеты](#)
 - [Карты](#)
 - [Газета](#)
 - [Пончикопреобразование](#)
 - [Антитеза](#)
 - [Угри](#)
 - [Норико Такаяма и мое влечение](#)
 - [Осьминог](#)
 - [Атака старика Мушикубо](#)
 - [Гаечный ключ](#)
 - [И снова пончики](#)
 - [II](#)

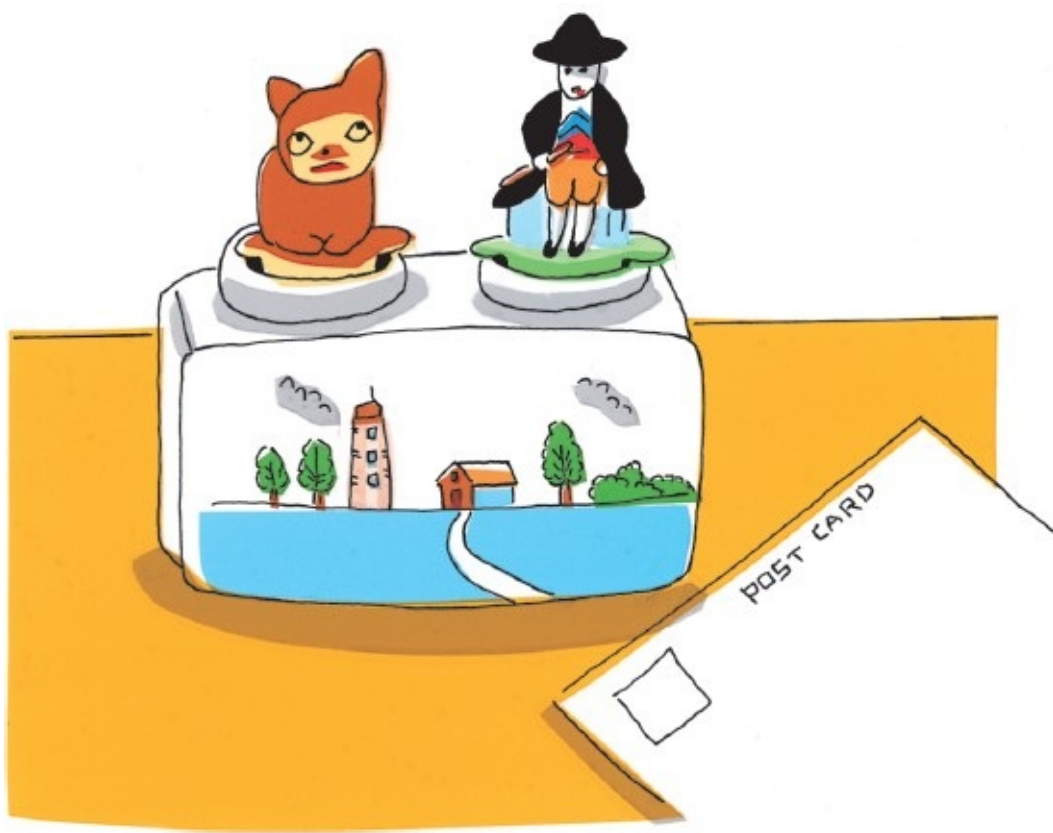
-
- [Игрунка в ночи](#)
- [Реклама джазового кафе, некогда существовавшего в Кокубундзи](#)
- [Мир, где лошади продают билеты](#)
- [Бангкокский сюрприз](#)
- [Пиво](#)
- [Поговорки](#)
- [Структурализм](#)
- [Тертая редька](#)
- [Автоответчик](#)
- [Чулки](#)
- [Молоко](#)
- [Хорошие новости](#)
- [Эффективные ходули](#)
- [Зоопарк](#)
- [Продавец индии](#)
- [Над потолком](#)
- [Мосёмосё](#)
- [A Hard Rain's A-Gonna Fall](#)
- [Лгунишка Николь](#)
- [Ярко-красная горчица](#)
- [О паровозном гудке в ночи, или О пользе историй](#)
- [Бонус](#)
- [Послесловие 1](#)
- [Послесловие 2](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)

- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)

Харуки Мураками
Игрунка в ночи

I

Горн

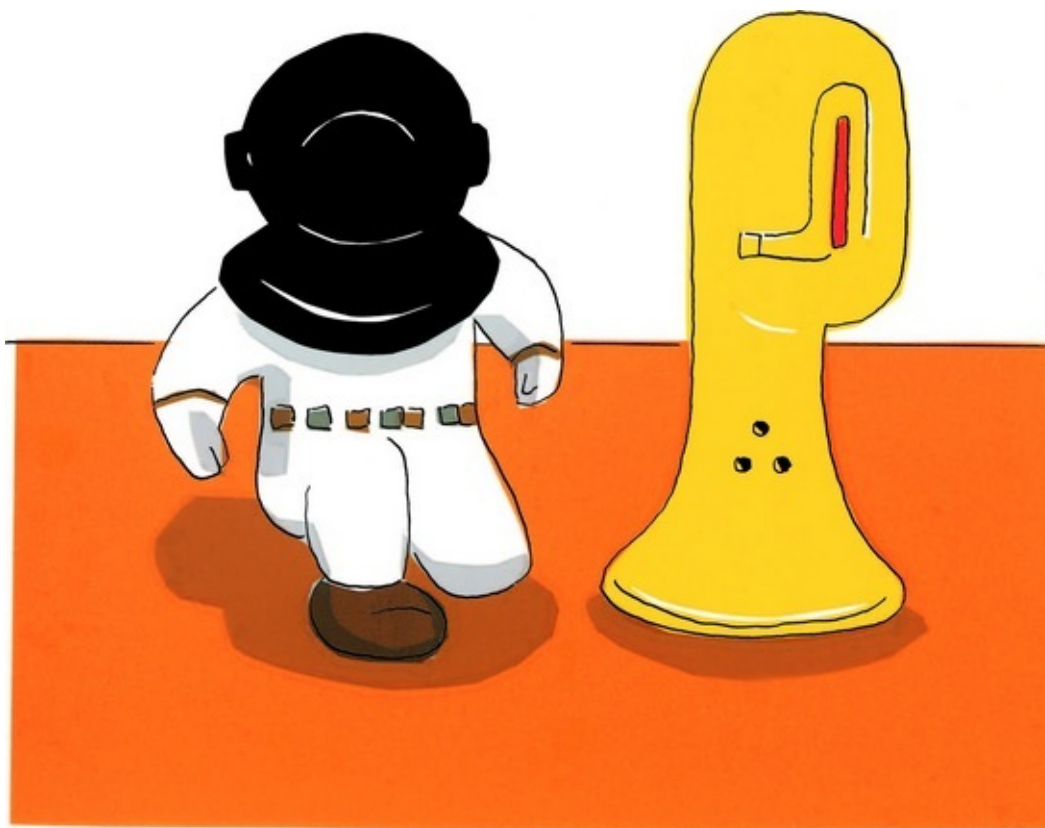

Вот, к примеру, есть же такой инструмент – горн. И существуют люди, для которых игра на горне – профессия. Возможно, с точки зрения устройства нашего мира здесь нет ничего удивительного, но стоило мне об этом задуматься, как я тут же потерялся в трехмерном лабиринте собственных мыслей.

Почему именно горн?

Почему кто-то стал горнистом, а я – нет?

Мне показалось, в этом кроется куда более глубокая тайна, нежели в том, чтобы стать писателем. И если ее разгадать, все в человеческой жизни будет ясно и просто. Но это, быть может, оттого, что я сам стал писателем, а не горнистом. Будь я горнистом, мне было бы удивительно – как это люди становятся писателями?

Я представил себе такую картину. Однажды после обеда, гуляя где-то в лесной глуши, человек случайно встретил горн. И вот, разговорившись о жизни, они друг к другу прониклись настолько, что человек выбрал горн своей профессией. А может, горн рассказал ему о своей судьбе – типичной для горна. О тяжелой юности, сложных взаимоотношениях в семье, комплексах из-за внешности, сексуальных проблемах.

– Мне не понять скрипки и флейты, – вероятно, сказал горн, рисуя веточкой на земле. – Ведь я родился горном. За границей никогда не был, на лыжах не катался... – И так далее.

Уже к вечеру горн и горнист неразлучны. Преодолев все преграды, как в фильме «Танец-вспышка», они остаются верны своей дружбе – и теперь стоят вместе на великолепной сцене, играют вступление к фортепианному концерту Брамса.

Вот такие мысли вдруг пришли мне в голову, когда я сидел в концертном зале.

А затем я подумал о тубе, которая, вероятно, тоже поджидает кого-нибудь в другом лесу.

Точилка

(или Нобору Ватанабэ как доброе знамение, часть 1)

Не будь на свете человека по имени Нобору Ватанабэ, я наверняка бы до сих пор точил карандаши своей обшарпанной точилкой. Но благодаря Нобору Ватанабэ мне досталась другая, новенькая и блестящая. Такая удача выпадает не каждый день.

Войдя на кухню, Нобору Ватанабэ тут же обратил внимание на мою старую точилку, лежавшую на столе. В тот день для смены настроения я решил поработать за кухонным столом. Поэтому точилка оказалась между солонкой и бутылочкой соевого соуса.

Ремонтируя сливную трубу под раковиной – ведь он водопроводчик, – Нобору Ватанабэ время от времени бросал взгляд на стол. Но я еще не догадывался, что передо мной – безумный собиратель карандашных точилок, я даже не мог представить, зачем он шарит взглядом по столу. Ведь на столе чего только не валялось.

– Хозяин, у вас замечательная точилка, как я погляжу, – сказал мне Нобору Ватанабэ, закончив с починкой.

– Эта? – изумленно спросил я и взял точилку со стола.

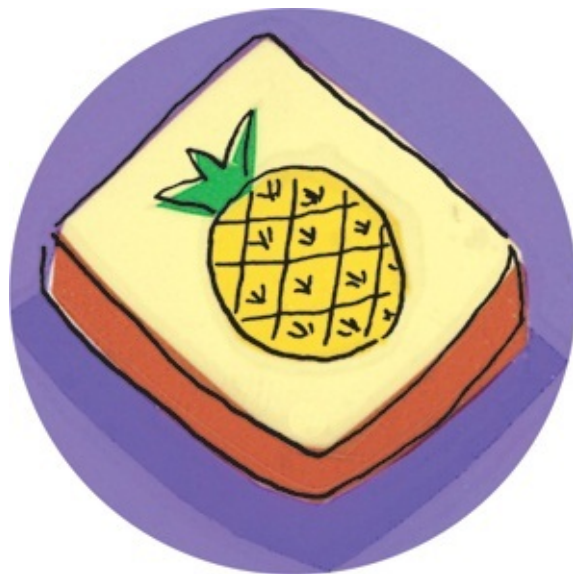
Обычная механическая точилка, она у меня уже больше двадцати лет, еще со школы, ничего особенного. Кое-где даже заржавела, а сверху – наклейка с Астробоем^[1]. Старая и грязная.

– Это модель тысяча девятьсот шестьдесят третьего года – так называемая «Мах PSD». Весьма редкая вещица, – сказал мне Нобору Ватанабэ. – Угол лезвий немного отличается от других моделей. Поэтому стружка выходит весьма замысловатая.

– Вот оно что, – ответил на это я.

Так мне и досталась новая точилка для карандашей последней модели, а Нобору Ватанабэ – «Мах PSD» 1963 года, украшенная наклейкой с

Астробоем. У Нобору Ватанабэ в сумке всегда припасены для обмена новенькие точилки. Возможно, я и повторяюсь, но такая удача выпадает в жизни не часто.

После того как у нас выманили обманом все ароматические палочки против комаров, обороняться от морской черепахи стало совсем нечем. Я хотел было заказать новые палочки по телефону или письмом, но, как и предполагалось, телефонный провод оказался перерезан, а письма перестали носить недели две назад. Конечно, хитрая морская черепаха не спустит мне этого с рук. Представляю, сколько страданий ей принесли наши ароматические палочки. Вероятно, где-то на синем морском дне она сейчас дремлет со злорадной усмешкой на роже в предвкушении вечера.

– Теперь нам конец, – сказала мне подруга. – Ночью нас обоих съест морская черепаха.

– Отчаиваться нельзя, – ответил я. – Нужно просто подумать. Неужели мы не сможем дать отпор какой-то морской черепахе?

– Но ведь она украла все наши ароматические палочки.

– Нужно шире взглянуть на проблему. Раз морская черепаха не переносит ароматических палочек, скорее всего, не переносит она и чего-то еще.

– Например?

– Хулио Иглесиаса, – сказал я.

– Почему Хулио Иглесиаса? – переспросила она.

– Не знаю. Только что в голову пришло. Интуитивно.

Положившись на интуицию, я поставил сингл Хулио Иглесиаса «Begin the Beguine» на вертушку и стал ждать заката. Едва наступит вечер,

морская черепаха непременно пойдет в атаку. Тогда-то и разберемся до конца. Либо она съест нас, либо мы доведем ее до слез.

И когда незадолго до полуночи за дверью послышались шлепки шагов, я, не теряя ни минуты, опустил иголку на виниловый диск. Как только сладкий голос Хулио Иглесиаса начал выводить «Begin the Beguine», шаги тотчас смолкли и до меня донесся тяжелый стон. Да, я победил морскую черепаху.

В ту ночь Хулио Иглесиас спел «Begin the Beguine» сто двадцать шесть раз.

Я тоже не люблю Хулио Иглесиаса, но, к счастью, страдал меньше морской черепахи.

Машина времени

(или Нобору Ватанабэ как доброе знамение, часть 2)

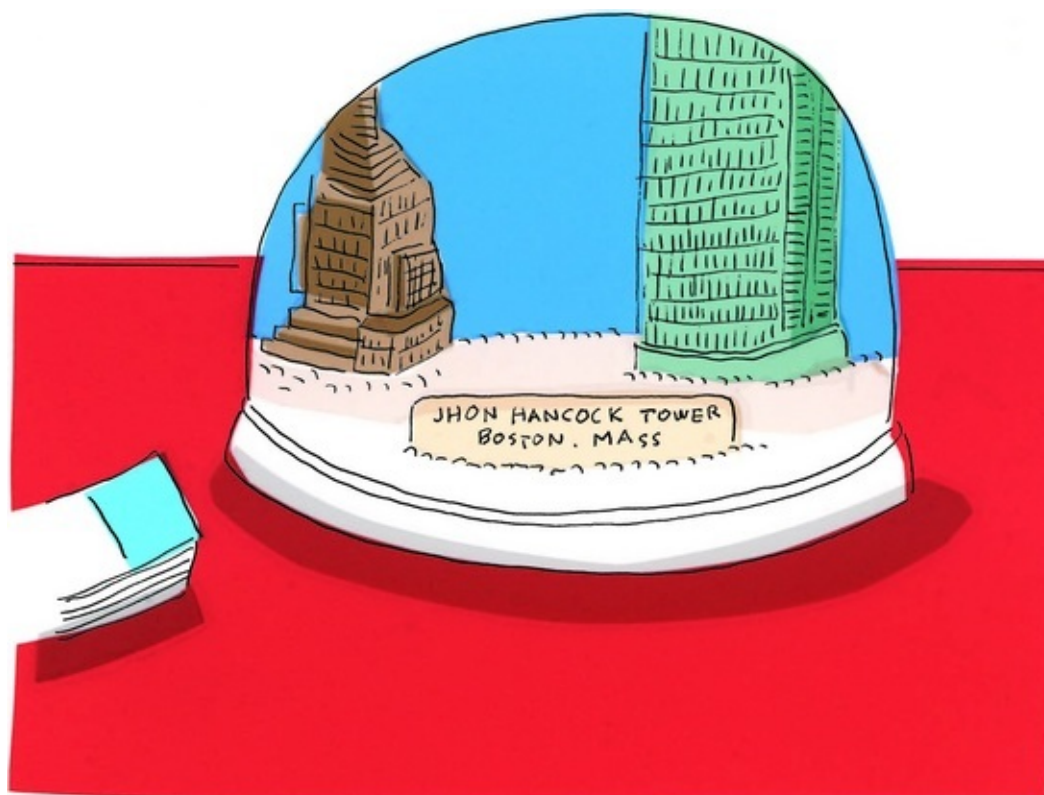
В дверь постучали.

Я положил кожуру недоеденного мандарина на котацу^[2] и пошел открывать. На пороге стоял Нобору Ватанабэ – тот водопроводчик, что коллекционирует точилки для карандашей.

На часах была уже половина седьмого вечера, поэтому Нобору Ватанабэ сказал:

– Добрый вечер.

– Добрый вечер, – ответил я, толком не понимая, зачем он явился. – Извините, я не припомню, чтобы заказывал сантехнические работы.

– Да-да. Прошу прощения, сегодня я пришел к вам с просьбой. Я узнал, что у вас есть машина времени старой модели, и подумал: вдруг вы захотите обменять ее на новую... Вот, собственно, и все.

«Машина времени», – удивленно повторил я про себя, но изумления своего ничем не выдал.

– Да, есть, – ответил я как ни в чем не бывало. – Хотите взглянуть?

Я проводил Нобору Ватанабэ в свою комнатку площадью в четыре с половиной татами^[3] и показал на электрическое котацу, где лежала мандариновая кожа.

– Вот, пожалуйста, машина времени, – сказал я. У меня ведь тоже есть чувство юмора.

Однако Нобору Ватанабэ не рассмеялся. Он откинул одеяло, серьезно покрутил ручку термостата, проверил шкалу, подергал за все четыре ножки.

– Хозяин, это настоящая жемчужина, – вздохнул он. – Великолепный образец. Модель сорок шестого года Сёва^[4] «Уют». Полагаю, вы должны быть ею довольны.

– Да, в общем-то, – сказал я. – Правда, ножка шатается, но греет она исправно.

Нобору Ватанабэ спросил, не хочу ли я обменять ее на машину

времени новой модели, и я согласился. Нобору Ватанабэ вышел из дома, достал из своей «тойоты-лайтэйс» коробку с новенькой электрической котацу (то есть, конечно же, машиной времени), втащил ее в комнату и забрал мою котацу «Уют» (то есть машину времени).

– Извините, что опять вас побеспокоил, – сказал Нобору Ватанабэ на прощанье и помахал мне рукой из машины. Я тоже помахал ему в ответ.

А потом вернулся к себе доедать мандарин.

Картофельные крокеты

Я работал дома, и тут ко мне пришла девушка. Красивая такая, лет восемнадцати-девятнадцати, в зеленом шерстяном пальто. Она топталась на пороге и крутила пальцами замочек на сумке.

– Извините, я – ваш новогодний подарок, – тихонько сказала девушка.

– Надо где-то расписаться? – спросил я.

– Нет. Я и есть ваш подарок.

– Извините, что-то я не очень понимаю.

– Ну... можете делать со мной что хотите. Ведь я ваш новогодний подарок. Администратор по новогодним подаркам из компании К. велел мне к вам прийти.

– Хм, – только и сказал я.

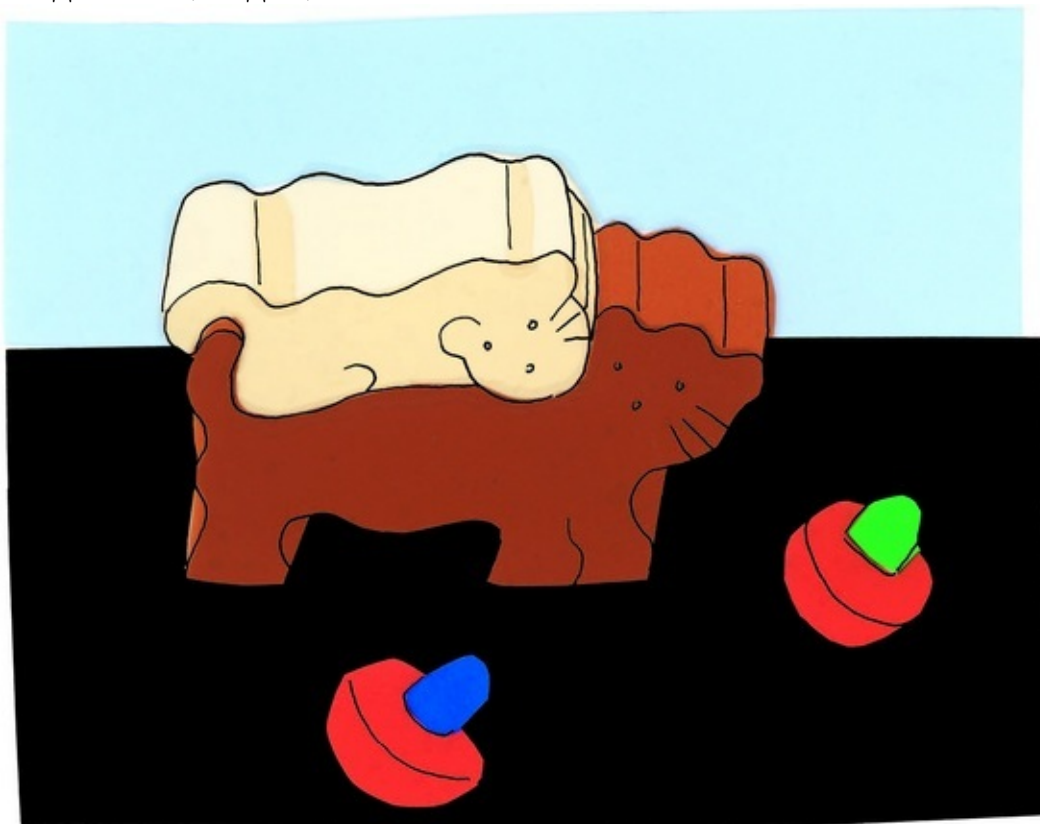
Компания К. – большой издательский дом, я выполнял несколько их заказов. К слову сказать, припоминаю: как-то за выпивкой меня спросили, какой подарок я бы хотел получить в конце года, и я ответил: «Молоденькую девушку». Но, разумеется, я сказал это в шутку. Да и кому придет в голову, что крупнейшее издательство и правда на такое отважится.

– Извини, но я сейчас занят. Мне завтра сдавать работу, настроение совсем не для секса. Нужно все закончить. Если б я знал, что ты сегодня придешь, сделал бы все заранее.

После этих моих слов девушка тихонько заплакала.

– У меня ничего не получается. Из меня даже новогоднего подарка не получилось. Ничего я не могу. Даже водительские права получить.

– Ладно тебе, ладно, – сказал я.

Но девушка и дальше плакала прямо на пороге моего дома. Чтобы не привлекать внимания соседей, я был вынужден пригласить ее в дом и напоить кофе.

– Раз с сексом не получается, позвольте мне сделать для вас что-нибудь другое. Начальство велело обслуживать вас два часа. Я могу, например, спеть караоке. У меня хорошо получается «Itoshi no Ellie» группы «Southern All Stars»^[5].

– Петь не надо, – поспешно остановил я ее. Так я вообще никакую работу не закончу.

– Тогда я приготовлю картофельные крокеты. Я их готовлю мастерски.

– Отлично, – сказал я. Просто обожаю картофельные крокеты.

Карты

Когда мы окончательно заездили пластинку Хулио Иглесиаса, нам стало совсем уже нечем защищаться от морской черепахи. «Begin the Beguine» не подпускала ее к нашему дому каждую ночь.

– Теперь нам конец, – сказала подруга. – У нас больше нет ни ароматических палочек, ни Хулио Иглесиаса.

– Да нет же, наверняка есть еще какой-то способ, – сказал я.

– Может, попробуем Вилли Нельсона, или «Аббу», или Ричарда Клайдермана?

– Нет, не годится. На морскую черепаху действует только Хулио Иглесиас, ясное дело.

Я один пошел на берег моря и с утеса посмотрел в воду. Как бывало обычно, морская черепаха в послеполуденной дреме неподвижно лежала на дне. Копила силы для ночной атаки. Однако сколько бы я ни смотрел сверху на черепаху, ни одного нового средства для защиты от нее в голову не приходило. Наверное, я просто устал, и сила воображения ослабла.

На сей раз нам уж точно конец, подумал я. Какой ничтожный финал – накормить собой морскую черепаху. Интересно, что подумает моя мама, когда узнает? Это же надо – жизнь ее единственного сына оборвалась, когда он стал добычей морской черепахи.

Настроившись на худшее, я съел свой последний в жизни ужин и пил чай, когда пришла черепаха. Ее «шлеп-шлеп» все ближе – вот она обошла дом вокруг.

– Это конец, – сказала подруга, теснее прижавшись ко мне.

– Спротивляться бесполезно. Наша жизнь была хоть и коротка, но полна радостей, – сказал я.

Скрипнув дверью, черепаха просунула морду в проем: нет ли здесь ароматических палочек и не играет ли пластинка Хулио Иглесиаса? В лапе у черепахи была зажата колода карт. Карт?

С тех пор мы каждый вечер играем втроем в «пятьдесят одно». Игра не особенно интересная, но все ж гораздо лучше, чем окончить свои дни в желудке морской черепахи. К тому же от ежевечернего прослушивания Хулио Иглесиаса мы и сами не в восторге.

Впервые я услышал о хулиганских выходках огромных обезьян на линии метро Гиндза пару месяцев назад. Несколько моих друзей рассказывали, что видели их собственными глазами, а в тот день с обезьянами столкнулся и я.

Однако, несмотря на подобное возмутительное поведение обезьян, не появилось ни одной статьи на эту тему. Полиция тоже явно не спешила браться за дело. А если газеты и полиция считают проделки обезьян пустяком, я хочу все-таки обратить на это их внимание. Пока обезьяны появлялись лишь в вагонах ветки Гиндза, однако никто не может гарантировать, что в ближайшее время бесчинства не перекинутся на Маруноути или Хандзомон. А тогда будет уже слишком поздно.

Лично я столкнулся с относительно безвредными проделками обезьян. Случилось это пятнадцатого февраля, сразу же после Дня святого Валентина. Я пересел с Омотэсандо на линию Гиндза, ехал на станцию «Тораномон». Рядом хорошо одетый служащий лет сорока с небольшим увлеченно читал утренний номер «Майнити». Перед ним была статья с заголовком «Приведет ли падение доллара к инфляции в американской экономике?». А я читал через его плечо рекламу новой книги «Похудей на пять килограммов, и твоя жизнь изменится».

Поезд приближался к станции «Акасака-мицукэ», и, как обычно, свет в вагоне мигнул. Когда я вновь бросил взгляд на газету, она была перевернута вверх тормашками.

«Приведет ли падение доллара к инфляции в американской экономике?»
 Похудей на пять килограммов, и твоя
 жизнь изменится».

– Так-так, опять проделки больших обезьян, – сказал мне служащий. – Куда вообще смотрит правительство?

– Да уж, – ответил ему я.

И правда не хотелось бы, чтоб и дальше все продолжалось в том же духе.

Пончикопреврашение

Девушка, с которой мы встречались три года и решили пожениться, превратилась в пончик. После чего наши отношения пошли вкривь и вкось. Хотелось бы мне знать, кто вообще способен поддерживать нормальные отношения с любимой, ставшей пончиком. Каждый вечер я пил в баре, стал худой, как Хамфри Богарт в фильме «Сокровища Сьерра-Мадре».

– Брат, прошу тебя, забудь про нее. Так ты только подорвешь себе здоровье, – предостерегала меня младшая сестричка. – Я прекрасно понимаю твои чувства, но если человек превратился в пончик, он уже не будет прежним. Надо раз и навсегда поставить точку. Ты же и сам все понимаешь?

Наверное, она была права. Тот, кто превратился в пончик, навеки останется пончиком.

Я позвонил девушке и навсегда с ней попрощался.

– Мне тяжело с тобой расставаться, но, видимо, так уж нам предначертано судьбой. Я никогда не забуду тебя... – И так далее.

– Ты так и не понял? – спросила девушка, ставшая пончиком. – Наше человеческое существование по сути своей пусто. В нем ничего нет. Ноль. Почему ты не хочешь посмотреть на эту пустоту? Почему ты глядишь только по сторонам?

Почему? Это я хотел бы задать такой вопрос. Почему люди, ставшие пончиками, мыслят настолько ограниченно?

Но, в общем, на этом мы с ней расстались. Это случилось два года назад. А весной прошлого года без какого-либо предупреждения в пончик превратилась моя сестричка.

Окончив университет Дзёти^[6], она поступила работать в «JAL»^[7]. А вскоре – в холле гостиницы в Саппоро, где она была в командировке, – неожиданно превратилась в пончик. Мать не выходила из дома, плакала не переставая.

Иногда я позваниваю сестре, спрашиваю, как у нее дела.

– Брат, неужели ты так и не понял? – спрашивает сестра, ставшая пончиком. – Наше человеческое существование по сути своей...

Антитеза

От дяди, который в сентябре прошлого года уехал на Борнео на поиски антитезы и пропал из виду, наконец-то пришла открытка. Довольно стандартная, с фотографией дома на сваях и кокосовой пальмы. Но получить весточку от дяди, известного тем, что не любит писать письма, – это уже что-то.

«К моему великому сожалению, экземпляр антитезы, весьма крупный даже для здешних мест, на днях пропал, – писал дядя. Буквы скакали, потому что открытку он писал, сидя в каноэ. – Местные жители говорят, что антитезу в восемь метров не видели здесь уже много лет. Даже найденную мной в прошлом месяце антитезу в 2,25 метра – очевидно, весьма средний экземпляр – они называют “чудом”. Тут только руками развести. Скорее всего, причина сокращения числа антитез связана с уменьшением количества вулканического пепла, а также с геотермальными изменениями. Однако определенно ничего не скажешь. При таком раскладе я, скорее всего, к июлю вернусь в Японию».

Мою комнату украшает старая фотография: местные жители держат на плечах антитезу в двенадцать с половиной метров, а перед ними позирует мой дядя. Этот огромный экземпляр дядя обнаружил в 1966 году. Официально она была зарегистрирована как самая большая антитеза, обнаруженная в шестидесятых годах. Карьера дяди как ловца антитез была тогда на подъеме, и даже по этой фотографии видно, что энергия у него была ключом. То было счастливое время – его можно считать «эпохой

великих открытий» в ловле антitez.

Сейчас увидеть настоящую сочную антитезу во французском ресторане так же невероятно, как поймать теннисной ракеткой каменный метеорит. Конечно, и в наши дни можно кое-где отыскать их в меню, но это, скорее всего, будет сухая и маленькая индийская антитеза – практически без вкуса или, хуже того, вообще замороженный продукт.

Если бы такое меню попало на глаза моему дяде, он незамедлительно изорвал бы его в клочья. Потому что любит повторять: «Уж лучше ничто, чем маленькая антитеза».

Угри

Мэй Касавара позвонила мне в половине четвертого утра. Естественно, я в такое время крепко спал. Погрузившись с головой в жижу сна, мягкого и теплого, словно бархат, увязнув в ней вместе с какими-то угрями и резиновыми сапогами, я вкушал плоды пусть и временного, но весьма действенного счастья. И в этот момент раздался телефонный звонок.

Дзынь-дзынь.

Сначала исчезли плоды, затем угри и резиновые сапоги, а под конец исчезла и жижка. Я остался один. Совсем один, мужчина тридцати семи лет, пьяный, не избалованный любовью окружающих. Кто посмел отнять у меня угрей и резиновые сапоги?

Дзынь-дзынь.

– Алло, – сказала Мэй Касавара. – Алло.

– Да, слушаю, – ответил я.

– Это я, Мэй Касавара. Извини, что так поздно. Но у меня опять появились муравьи. У них теперь муравейник на подоконнике в кухне. Те, которых мы прогнали из ванной в прошлый раз, теперь перетаскили свой муравейник сюда. Вот именно, все переползли. И притащили с собой еще каких-то белых личинок – наверное, детенышей. Так противно. Принеси, пожалуйста, еще разок тот спрей. Я понимаю, что сейчас очень поздно, но я терпеть не могу муравьев. Сам знаешь.

В крошечной тьме я энергично потряс головой. Кто это – Мэй Касавара? Кто она такая, чтобы похищать угрей из моей головы?

И я задал ей этот вопрос прямо в лоб.

– Ой, простите, пожалуйста. Кажется, я ошиблась, – сказала Мэй Касавара с искренним сожалением в голосе. – Из-за этих муравьев я совершенно запуталась. Потому что они все вместе перетаскили свой муравейник. Пожалуйста, простите.

Мэй Касавара первой повесила трубку, а я так и остался со своей в

руке. Где-то в этом мире муравьи перетаскивают муравейники, а Мэй Касаваре нужна чья-то помощь.

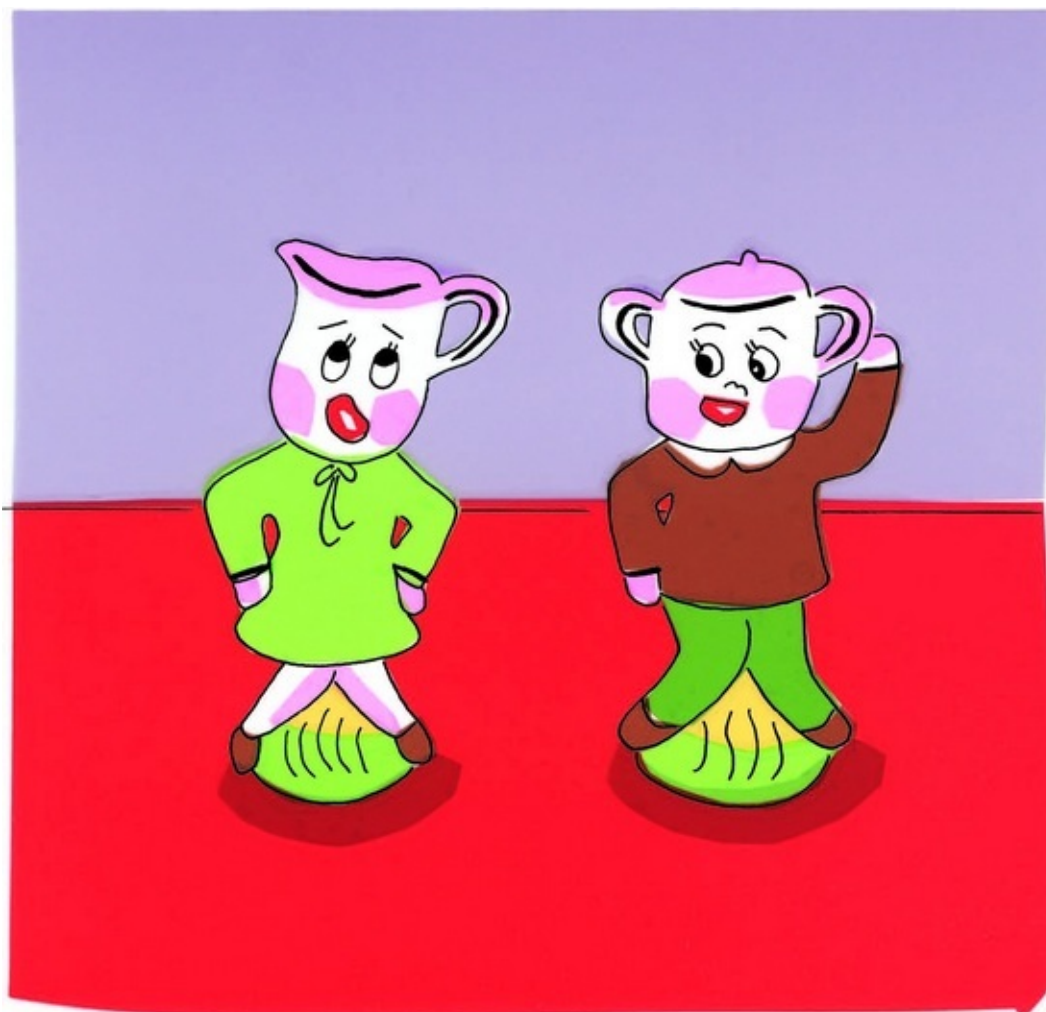
Я вздохнул, закутался в одеяло, закрыл глаза и вновь стал искать в жиге теплого сна дружелюбных угрей.

Норико Такаяма и мое влечение

За свою жизнь мне довелось ходить рядом со многими женщинами, однако я не знаю ни одной, кто ходил бы так же быстро, как Норико Такаяма (25 лет). Она энергично размахивала руками, будто хотела сказать: «Вот, смотрите, их только что смазали», – и с видимым удовольствием делала большие шаги. Издалека она напоминала такого жучка-вертячку с прозрачными крылышками. Быстрая, плавная, счастливая походка, словно блеск после дождя.

Когда мы впервые шли вместе (от начальной школы Сэндагая до Аояма-Иттёмэ), я удивился ее скорости, а потом решил, что она не в восторге от того, что приходится идти со мной. Потому и шагает так быстро, чтобы скорее от меня отделаться. А может, таким бешеным темпом старается подавить во мне влечение к ней (вообще-то у меня не было подобных мыслей в отношении Норико Такаемы, поэтому сложно судить, насколько этот ее прием был вообще эффективен).

И лишь спустя несколько месяцев я наконец понял. В ее быстрой ходьбе нет никакого скрытого смысла – ей просто нравится ходить так, словно она летит. Как-то в начале зимы рядом со станцией Ёцуя я заприметил, как она шла в толпе одна. С какой-то до нелепости невероятной скоростью. Ей просто было так удобно – идти откуда-то и куда-то по этому участку земли под названием Токио. В правой руке она крепко держала сумку, воротник ее плаща трепетал на ветру, а она шагала вперед, выпрямившись, как струна.

Я сделал пять-шесть шагов и собрался было окликнуть ее, но она ушла далеко вперед, и я почувствовал себя нелепо. Вроде Россано Брацци в последней сцене «Летней поры». В одиночестве у станции Ёцуя. Но я был очень рад. Я понял, что Нориико Такаяма все же не ошиблась. Меня к ней действительно влекло.

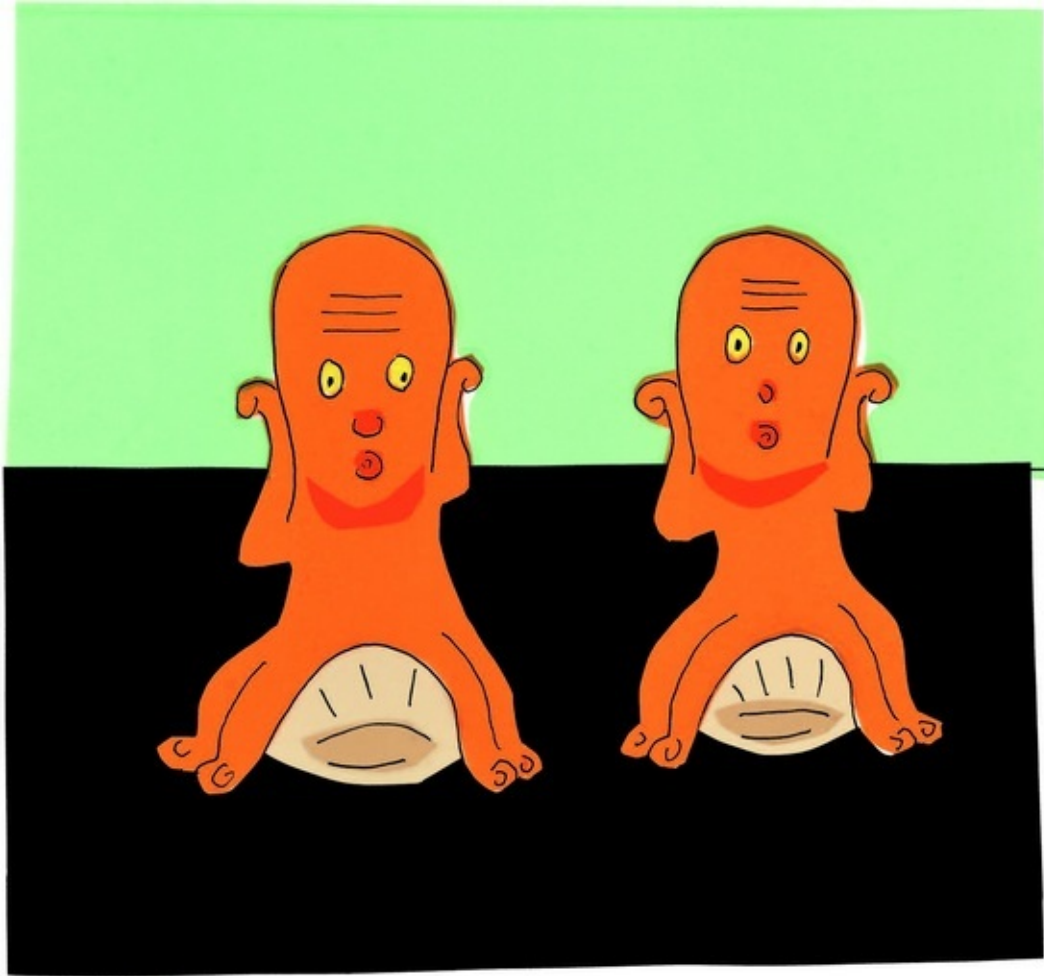
Осьминог

Нобору Ватанабэ прислал мне открытку с нарисованным осьминогом. Под ним был кривым почерком выведен следующий текст:

Премного благодарен за ту заботу, что на днях вы оказали в метро моей дочери. Предлагаю в ближайшее время где-нибудь вместе поест осьминогов.

Прочитав открытку, я немало удивился. Все последнее время я проводил в командировках и уже месяца два не ездил на метро. И вообще не помню, чтобы проявлял когда-нибудь заботу о дочери Нобору Ватанабэ. К слову сказать, я и не знал, что у Нобору Ватанабэ есть дочь. Вероятно, он перепутал меня с кем-то.

Но мысль поесть осьминога мне понравилась.
Я написал открытку Нобору Ватанабэ. На ней нарисовал дрозда, а под ним – следующий текст:

Большое спасибо за вашу открытку. Почему бы нам и правда не поесть осьминогов? Пожалуйста, свяжитесь со мной в конце месяца.

Однако прошел целый месяц, а никаких известий от Нобору Ватанабэ не было. Вероятно, забыл. А мне все это время страсть как хотелось осьминога. Однако я был уверен, что мы пойдем его есть с Нобору Ватанабэ, поэтому сам не ходил и не ел.

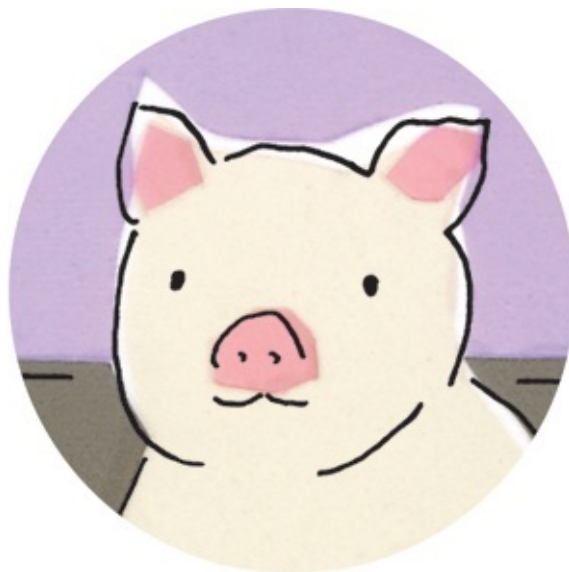
И вот когда я уже начисто забыл и про осьминога, и про Нобору Ватанабэ, мне опять пришла от него открытка. Теперь на ней была нарисована луна-рыба. А под ней – следующий текст:

Какого же вкусного осьминога мы с вами отведали на днях. Давненько

не приходилось мне есть осьминога с таким настоящим вкусом. Хотя должен признать, я не совсем разделяю вашу точку зрения, изложенную при встрече. Как отец взрослой дочери, я не могу согласиться с вашей позицией в отношении секса. Предлагаю встретиться в ближайшее время и обстоятельно обсудить это за набэ^[8].

– Э-эх, – вздохнул я. Нобору Ватанабэ опять меня с кем-то перепутал.

Атака старика Мусикубо

– Я старик Мусикубо, – сказал старик Мусикубо и откашлялся.

– Да, я знаю, – ответил я. В наших краях все знают старика Мусикубо.

– Извините за неожиданность, но я хотел бы сегодня поговорить с вами о девственности юных дев.

– Стойте, стойте. Я сейчас готовлю ужин. Не могли бы мы отложить разговор? – сказал я.

Хотелось сразу же выставить его, однако старик Мусикубо догадался и юрко просунулся в дверь.

– Я не отниму у вас много времени. Готовьте себе на здоровье. Поговорим и так.

Ничего не поделаешь. Вот ведь незадача, подумал я и стал проворно шинковать чеснок и баклажаны.

Старик не промах, забрался ко мне через черный ход. Обычно старик Мусикубо ведет себя как выживший из ума старик, но бывает, что котелок у него варит что надо.

– А что вы готовите? – с интересом спросил меня старик Мусикубо.

– Спагетти с чесноком и баклажанами и салат с фасолью.

– И это у вас такой ужин?

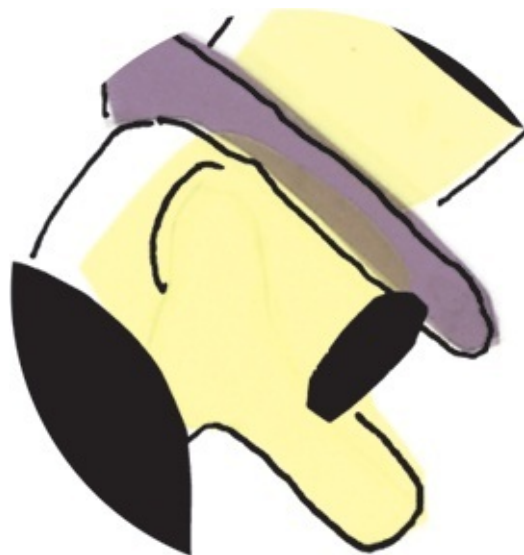
– Да, – ответил я.

И вообще – кому какое дело, чем я ужинаю? Когда мне хочется фасоли, я ем фасоль, когда хочется тыквы, ем тыкву. Да и разговаривать со стариком Мусикубо о девственности юных дев я вовсе не обязан. И только я открыл рот, чтобы сообщить ему об этом, как подумал: если я восстановлю против себя старика Мусикубо, никто ведь не знает, что он потом наговорит соседям. Поэтому я перетерпел и ничего не сказал. Все равно старик Мусикубо уйдет, когда выговорится.

Я уже доел спагетти и салат, даже помыл тарелки, а старик Мусикубо все говорил и говорил без устали о важности девственности для юных дев. Излагал он до ужаса громко, поэтому даже после его ухода у меня звенело в ушах. Просто беда, а не человек. Однако вот что мне вдруг пришло в

голову. В последнее время и правда редко встретишь девственницу.

Гаечный ключ

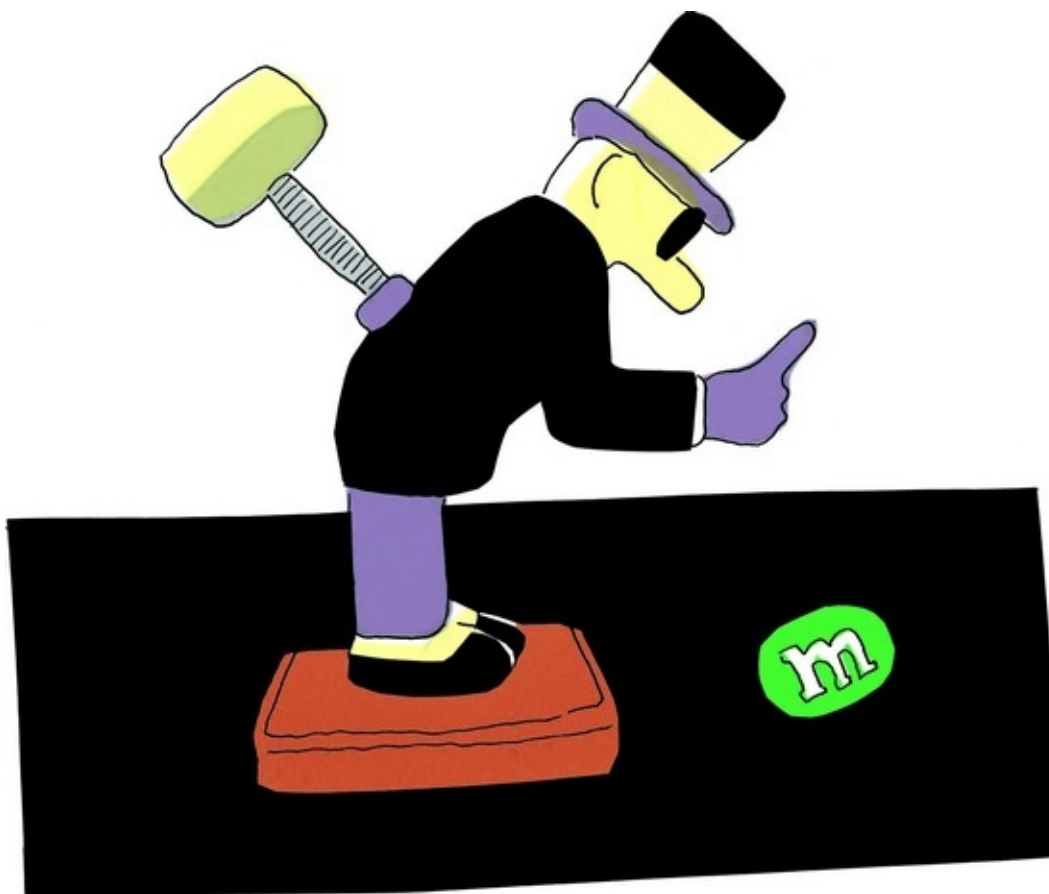

Первый парень, которому Маюми сломала ключицу, ездил на белом «ниссане-скайлайн» со спойлером. Маюми даже не знала имени парня. В воскресенье она гуляла возле дома, и тут рядом остановилась машина и парень спросил:

– Не хочешь покататься? – А она почему-то села к нему.

Неподалеку от Эносимы он попытался затащить ее в мотель, а ей под руку попался гаечный ключ, и она со всей силы врезала парню по плечу. Хрустнуло, и ключица сломалась.

Маюми выскочила из машины, а парень остался стонать от боли. Маюми побежала к ближайшей станции. Покупая билет в автомате, она заметила, что по-прежнему сжимает в правой руке гаечный ключ. Окружающие бросали опасливые взгляды на нее и на этот самый ключ. Ясное дело. По-любому странно, когда молодая красивая девушка садится в электричку. С гаечным ключом.

Маюми как ни в чем не бывало сунула ключ в сумочку, села в электричку и поехала домой.

– С тех пор я всегда ношу гаечный ключ в сумочке, – сказала она. – Но, само собой, не на вечеринки.

– Хм, – сказал я, сделав вид, будто ничуть не удивился. – И что, он потом пригодился?

– Да, – ответила она и подправила помаду на губах, глядя в зеркальце заднего вида. – Два раза. Один раз в «фейрледи», другой – в «сильвии». Интересно, почему только «ниссаны»?

– И оба раза – ключица?

– Да, в ключицу попасть легче всего. К тому же не угрожает жизни.

– Хм, – сказал я еще раз и подумал: наверное, очень больно, когда тебе ломают ключицу. От одной мысли мороз по коже.

– Но посудите сами, – продолжала Маюми, щелкнув замком косметички, – в мире полно таких, кто сам напрашивается, чтоб ему сломали ключицу.

– Так-то оно так, – ответил я.

Так-то оно так, но...

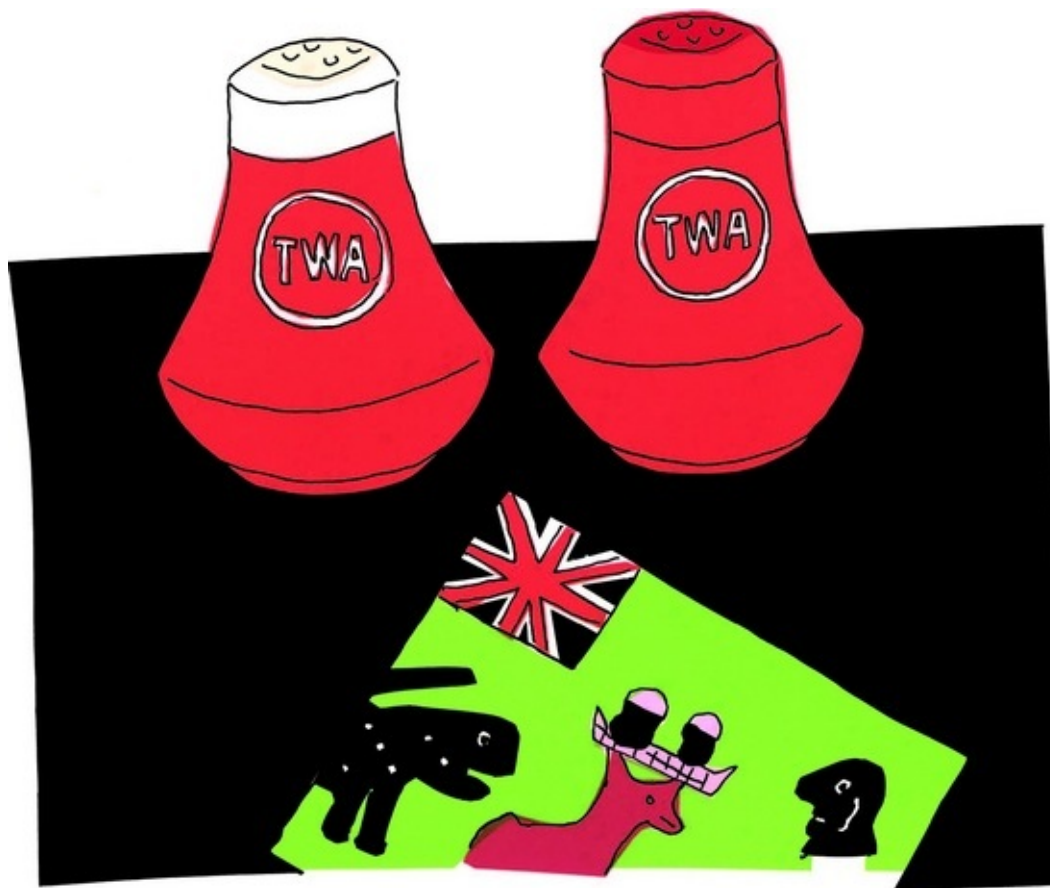
И снова пончики

Мне позвонили из Общества по изучению пончиков при университете Дзёти (до чего только не додумаются в наше время студенты). Позвонили с тем, чтобы я принял участие в симпозиуме на тему пончиков.

– Хорошо, – ответил я. Ведь у меня есть о пончиках мнение, а своими знаниями, суждениями, вкусом я не уступлю этим студентам.

Осенний симпозиум Общества по изучению пончиков университета Дзёти проходил в банкетном зале отеля «Нью-Отани». Играли музыканты, из пончиков складывали пазлы, подавали закуски (вместо ужина). Потом в соседнем зале открыли симпозиум. Пригласили не только меня – еще там были известный специалист по культурной антропологии и гастрономический критик.

– Имей пончики силу в современной литературе, они сыграли бы роль незаменимого фактора, вносящего непосредственный вклад в своего рода силу контролирования индивидуума, позволяющую идентифицировать область сознательного... – говорил я. Мой гонорар составлял пятьдесят тысяч иен.

Засунув эти самые пятьдесят тысяч в карман, я отправился в бар отеля. Там мы стали пить водку-тоник со студенткой с факультета французской литературы. Мы познакомились, складывая пазлы из пончиков.

– В конечном счете ваши произведения в хорошем и плохом смысле похожи на пончики. А вот, к примеру, Флобер, мне кажется, ни разу в жизни даже не подумал о пончиках.

Она права. Наверняка Флобер никогда не думал о пончиках. Но сейчас двадцатый век, скоро наступит двадцать первый. Смешно в наше-то время ставить Флобера в пример.

– Пончики – это я, – сказал я, как Флобер.

– Какой вы смешной, – хихикнула студентка.

Я, конечно, не хвастаюсь, но со мной никто не сравнится в умении рассмешить студенток с факультета французской литературы.

II

Игрунка в ночи

В два часа ночи я работал у себя за письменным столом, и туг через окно в комнату ворвалась игрунка.

– Эй, ты кто? – спросил я.

– Эй, ты кто? – сказала игрунка.

– Что ты дразнишься? – спросил я.

– Что ты дразнишься? – сказала игрунка.

– ЧТО ТЫ ДРАЗНИШЬСЯ? – еще раз повторил я.

– ЧТО ТЫ ДРАЗНИШЬСЯ? – повторила за мной игрунка.

Как же меня это достало, подумал я. Ведь если к тебе привяжется игрунка, которая только и знает, что все повторять, конца и краю этому не будет. От нее нужно как-то отвязаться.

Меня ждет работа, ее во что бы то ни стало следует закончить к завтрашнему утру. Не могу же я бесконечно препираться с обезьяной.

– Сандры будрендры, бабаяште яшти, бабаюки тутурики, – сказал я скороговоркой.

– Сандры будрендры, бабаяште яшти, бабаюки тутурики, – сказала скороговоркой игрунка.

А поскольку я произнес абсолютную абракадабру, что пришла мне на ум, не могу ручаться, что обезьяна точно повторила ее. Так что моя попытка не имела смысла.

– Довольно.

– ДОВОЛЬНО.

– Нет, не заглавными буквами.

– Нет, не заглавными буквами.

– Нет, так неправильно.

– Нет, так неправильно.

Я вздохнул. Ничего эту игрунку не берет. Поэтому я решил больше с ней не разговаривать, а работать себе дальше. Но стоило мне нажать на клавишу текстового процессора^[9], игрунка молча нажала на клавишу

«Копировать». Щелк. Но я опять нажал на клавишу текстового процессора, и обезьяна молча нажала на клавишу «Копировать». Щелк. Довольно. Довольно.

Реклама джазового кафе, некогда существовавшего в Кокубундзи

Придется сразу же вас разочаровать, но это заведение не из тех, куда может зайти любой посетитель независимо от пола и возраста. Здесь есть небольшая проблема. Особенно летом.

Кондиционер не очень хорошо работает. Не то чтобы он совершенно не работал – около его решетки очень даже холодно, – но стоит отойти чуть подальше, и вот туда холодный воздух уже не добьет. Возможно, в устройстве просто есть некая конструктивная ошибка. Можно было бы, конечно, купить новый, но все не так просто.

Здесь играет музыка. Если вы не любите джаз, вам звук, вероятно, покажется чересчур громким. Но если вы страстный поклонник этой музыки, вам, скорее всего, громкости будет не хватать. К какому бы типу людей вы ни принадлежали, пожалуйста, не высказывайте своих претензий владельцу заведения. Знайте, здесь не пытаются угодить всем вкусам. Здесь почти нет записей Джона Колтрейна. Зато полным-полно Стэна Гетца. Нет записей Кита Джарретта, но есть подборка Клода Уильямсона. Пожалуйста, не спрашивайте у владельца почему. Так здесь было с самого начала.

Раз в неделю тут играют живьем. Стоит дешевенькое пианино, которое немного расстроено. Уровень исполнения бывает разный, но по большей части играют весело и громко, так что это отнюдь не фоновая музыка, под которую можно болтать с девушкой.

Хозяин заведения не то чтобы молчун, однако немногословен. Хотя, возможно, просто не умеет складно говорить. Когда выдается свободная минута, сидит за стойкой и читает книжку. Сказать вам правду, пройдет четыре года, и он вдруг напишет рассказ – и даже получит премию литературного журнала как дебютант. Но об этом пока никто не знает, да и он сам не догадывается. Наверняка считает, будто так и останется владельцем джазового кафе в Кокубундзи. Спокойная жизнь, каждый день – любимая музыка. В этом мире все-таки много неизвестного.

Но как бы там ни было, сейчас – половина третьего дня, играет

пластинка Билли Тейлора «At the London House». Ничего особенного в этом исполнении нет. Но владелец особенно любит эту пластинку. Пожалуйста, не обвиняйте его за это.

Мир, где лошади продают билеты

Седьмое мая (пятница)

Я спросил у отца:

– Папа, что происходит с людьми после смерти? – Меня давно беспокоил этот вопрос.

Отец немного подумал и ответил:

– После смерти люди отправляются в мир, где лошади продают билеты. Там у лошади покупают билет, садятся в поезд и едят бэнто^[10]. А в коробке там рыбные палочки, отварная рыба в водорослях и капуста соломкой.

Я поразмыслил, но так и не сумел понять, отчего после смерти надо есть рыбные палочки и отварную рыбу в водорослях. Вот в прошлом году, когда умерла бабушка, мы всей семьей ели большой набор суси. Почему же покойному достаются лишь рыбные палочки, отварная рыба и капуста? Несправедливо как-то. Я сказал об этом отцу, и тот мне ответил:

– После смерти людям почему-то хочется именно рыбных палочек, отварной рыбы и капусты.

– А что потом? Когда всё съедят? – вновь спросил я.

– Поезд доезжает до конечной станции, и они выходят из вагона. А потом у другой лошади покупают другой билет и садятся на другой поезд, – сказал отец.

– И что, опять едят рыбные палочки, отварную рыбу и капусту? – негодуя, закричал я. Мне больше ни за что не хотелось видеть рыбные

палочки, отварную рыбу и капусту. Поэтому я скорчил рожу отцу и сказал:
– Странно это. Нипочем есть такое не стану.

Тогда отец пристально посмотрел на меня. Только это уже был не мой отец, а лошадь. И у лошади, то есть моего отца, в руках был билет.

– Иго-го, не привередничай. Ты купишь у меня билет, сядешь в поезд, а потом будешь все время есть рыбные палочки, отварную рыбу в водорослях и капусту соломкой. Иго-го.

Мне стало так страшно, так страшно, что я разревелся. Тогда отец перестал быть лошадью, опять превратился в моего отца.

– Ну не плачь. Хочешь, сходим вместе в «Макдоналдс», бургеров поедим, – ласково сказал он.

И я перестал плакать.

Бангкокский сюрприз

- Алло, это номер 57211251? – спросил женский голос.
- Да, это номер 57211251.
- Прошу меня простить за неожиданный звонок. На самом деле я звонила по телефону 57211252.
- А, – сказал я.
- С самого утра раз тридцать уже позвонила. Но никто не подходит. Может, они уехали куда-нибудь?
- И чем я могу помочь? – спросил я.
- Ну, я подумала, не позвонить ли по номеру 57211251 – все-таки он в каком-то смысле соседний.
- А?
- Женщина слегка откашлялась.

– Я вчера ночью вернулась из Бангкока. Бангкок – это про-о-о-осто нечто. Совершенно невероятное место. Что-то с чем-то. Мне надо было там пробыть неделю, но вернулась через три дня. Вот об этом и хотела поговорить с номером 57211252. Пока не расскажу кому-нибудь, спать не смогу. Хотя не всякому расскажешь. Вот я и подумала, вдруг меня выслушает номер 57211251.

– Ясно.

– По правде говоря, я надеялась, что подойдет женщина. С женщиной как-то легче вести такие разговоры.

– Вы правы, – сказал я.

– А сколько вам лет?

– В прошлом месяце исполнилось тридцать семь.

– Хм, значит, тридцать семь. Наверное, лучше было бы поговорить с кем-нибудь помоложе. Извините, что говорю вам это.

– Ну что вы, ничего страшного.

– Еще раз прошу прощения, – сказала женщина. – Попробую позвонить по номеру 57211253. До свидания.

В результате я так и не узнал, что же случилось в Бангкоке.

Пиво

Настоящее имя Огамидори^[11] – Кёко Торияма, однако в редакции все называют ее Огамидори, потому что всякий раз, забирая у авторов рукописи, она глубоко и почтительно кланяется и говорит:

– Большое спасибо. Позвольте мне принять вашу рукопись.

Огамидори двадцать шесть лет, она красотка с изящными чертами лица, не замужем. Четыре года назад окончила филологический факультет токийского университета Гакугэй^[12]. У нее большая грудь, и Огамидори любит юбки клеш. В зависимости от наряда при низком поклоне видна ложбинка между грудей, поэтому авторы беспрекословно берутся за работу, если об этом просит Огамидори. Главному редактору она нравится.

– Налицо образование, воспитание. Где вы еще в наши дни видели выпускниц университета, которые бы так правильно использовали вежливую речь. Где вы еще найдете таких девушек, которые умеют говорить так изящно.

Но я знаю секрет Огамидори. Как-то раз воскресным утром, часов в десять, я позвонил ей домой. Я понимал, что не очень хорошо беспокоить человека утром в выходной день, но мне нужно было срочно уточнить кое-что о сдаче рукописи. К телефону подошла ее мама. Огамидори живет с мамой в Коганэи. Я вежливо сказал:

– Прошу прощения, что беспокою так рано в выходной день, но не мог бы я переговорить с госпожой Кёко по неотложному рабочему вопросу?

– Прошу вас немного подождать. Я сейчас же позову Кёко, – вежливо ответила мне мать.

Через секунду я услышал непривычно резкий голос Огамидори. Так бы кричал морской котик, если б ему расцарапали бок и посыпали солью. Но это все же был голос Огамидори.

– Чё звонишь-то? Вот ведь черт. Воскресенье же. Хоть в воскресенье

дай мне поспать, чтоб тебя. Чё надо? Эй, это ты, Такао? Слушай, я хотя бы в туалет схожу сначала. Обожди малость. Вчера я чё-то пива перепила, щас лопну. Эй... это что, не ты, Такао? Вот черт. Фигня какая-то. Треск в трубке.

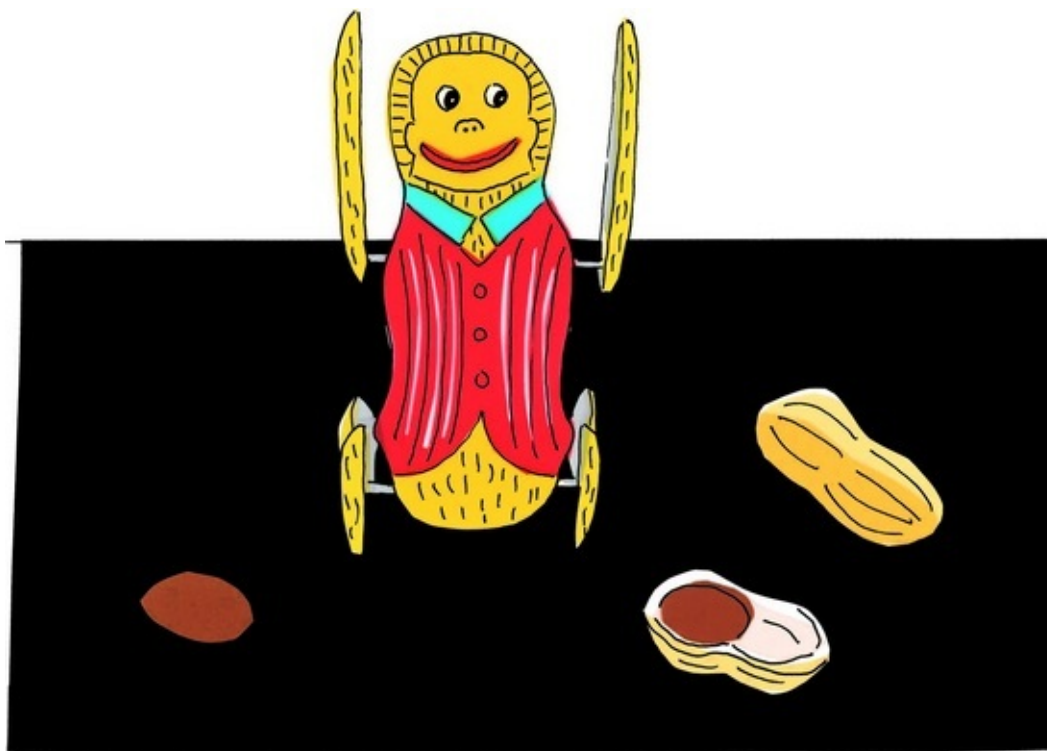
Конечно же, я сразу дал отбой. Слава богу, хоть не представился.

А Огамидори все так же почтительно кланяется, принимая рукопись. Некоторые даже говорят, что в ней течет кровь императорской семьи. Я в такие моменты делаю вид, что ничего не слышал, и просто молчу.

Поговорки

Вот те на, обезьяна. Уселась на дереве. Чесслово, натуральная обезьяна уселась на дереве. Меня чуть кондрашка нехватила. Тока подумал, нет ли там обезьяны, а она тут как тут, вот те нате. Обезьяна ж, чё с ней взять-то. Дак вот, стою я, гляжу на енту обезьяну-то. Ну и ну, думаю, обезьяна-то самая натуральная. И тут ента обезьяна раз – и шмякнулася наземь. И ведь не откуда-то, а прям с самой верхушки. Лапы ейные соскользнулись, и она хоп – и шмякнулася. А я прям глаз оторвать не могу, вот же ж невидаль-то. Ведь это ж натуральная обезьяна с натурального дерева шмякнулася. Хоп – и на земле уж. Говорят же: «И обезьяна падает с дерева». Так оно и приключилося. Как в поговорке, один в один. Ну я обалдел просто. Все-таки умные люди наши предки-то были. Надо ж так сказануть-то, не в бровь, а в глаз прям. «И обезьяна падает с дерева».

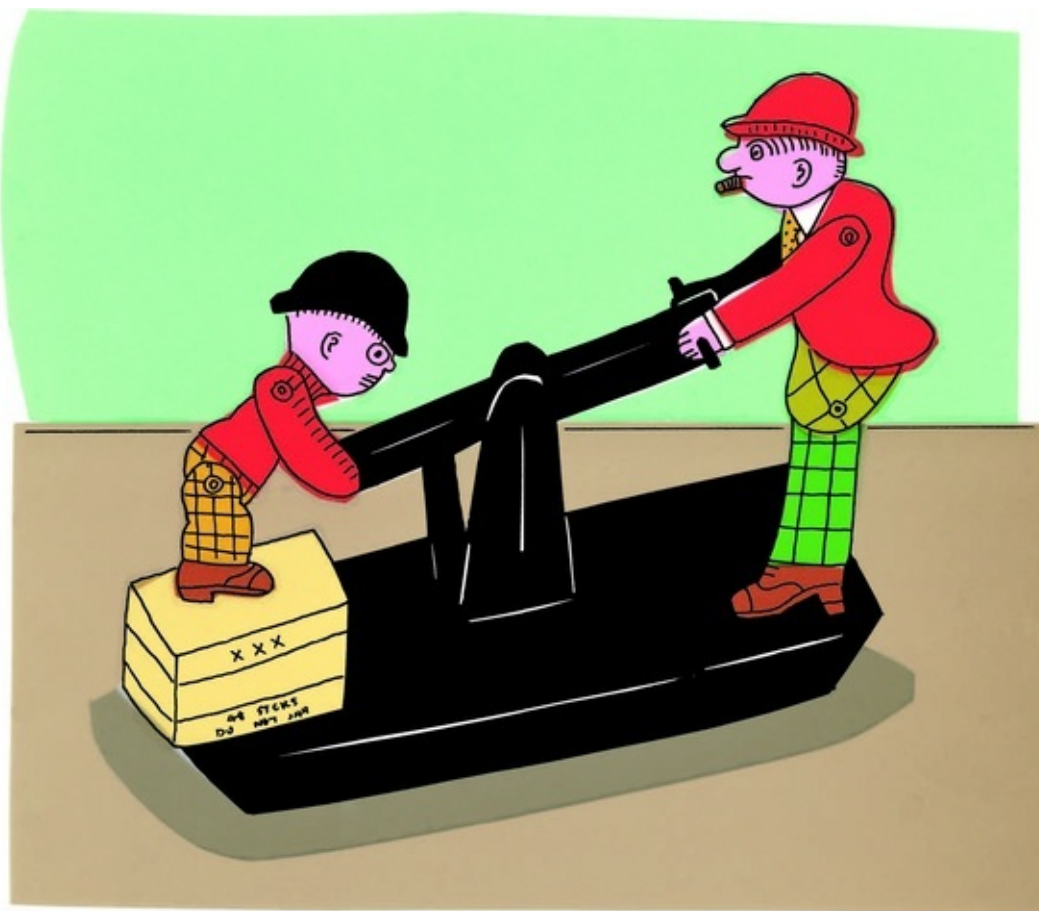
Кто теперь вот так сказануть сможет? Чтоб у натуральной обезьяны лапы соскользнули и она с натурального дерева свалилася. Вот ведь, оказывается, как оно взаправду бывает. Поговорки – эт вам не хухры-мухры. Наши предки шибко умные были ребята. Знали, что к чему. Я тут покумекал вот чего. Насчет ентуй вот поговорки-то: «И обезьяна падает с дерева». Вона обезьяна-то натуральная с дерева шмякнулася, по-настоящему хоп – и упала, так ить не будешь енту обезьяну отчитывать, мол: «Осторожней надобно быть, говорят же: “И обезьяна с дерева падает”». Как ни крути, поговорка – это ж аллегория, понимать надо. А разве нет? Разве эдакое скажешь обезьяне, которая с дерева-то шмякнулася. Ей эдакое скажешь, а у ней настроение раз – и подпортится. Как же такое сказать-то можно? Я б верно не смог. Но все ж удивительно дело – как в поговорках говорится, так и бывает. Обезьяна и правда падает с дерева. Уж так я удивился, просто слов нету. А вот тебе приходилось ли видеть голубя, в которого попали из игрушечного ружья? А вот мне приходилось, чесслово. Вон давеча наблюдаю я за голубем. И вдруг в него – бах из игрушечного ружья. Чесслово. Правда истинная. Меня чуть кондрашка нехватила. Ведь голубь натуральный, и тут в него из ружья пульнули. Ну дак вот...

Структурализм

Надеюсь, что не обеспокою Вас своим письмом.

Пожалуйста, не спрашивайте меня про Роппонги. Мне и правда нечего рассказать вам о Роппонги. Если я по делам (что естественно, ибо без особого дела я бы туда не отправился) выхожу на станции метро «Роппонги» – тут же впадаю в панику. Никак не могу вспомнить, то ли Роппонги в той стороне, где Камиятё, то ли Роппонги уже здесь. Но, кое-как собравшись с мыслями, я выхожу в Роппонги. Побаиваясь неприятного предчувствия – наверное, сегодня опять ничего не получится, – поднимаюсь по лестнице. Переведя дух, оглядываюсь по сторонам. Это банк «Мицубиси», это... что же это было? Ага, кондитерская «Almond»... Но чем больше я думаю, тем сильнее во мне разрастается паника – растекается беззвучно, словно жижа в крошечной тьме. Я мысленно пытаюсь представить карту. Пытаюсь мыслить рационально. Однако абсолютно теряю представление о том, как здания расположены друг относительно друга. Какое из них театр «Хайюдза»^[13], какое – Министерство обороны, какое – музыкальный магазин «WAVE»...

Не поймите меня неправильно, я не страдаю топографическим кретинизмом. Скорее, наоборот, в городе я ориентируюсь хорошо. Вот, скажем, в Аояме, или Сибуре, или Гиндзе, или Сидзюку – да и в других районах – я еще ни разу не заблудился. Поверьте, только Роппонги мне никак не дается. В Роппонги мне никуда не добраться. Я и сам толком не понимаю почему, но у меня правда ничего не выходит. Может, на мои нервы воздействует какой-нибудь магнетизм особого рода. А может, Министерство обороны проводит какие-то странные опыты с секретным электронным оборудованием. Или же Роппонги как-то действует на мое подсознание, и в лобной доле моего мозга зарождается паника. Иных причин мне на ум не приходит. Отчего у меня в Роппонги возникает такая сильная паника?

Поэтому прошу вас, ничего не спрашивайте у меня о Роппонги. А еще ничего не спрашивайте о структурализме. Мне нечего рассказать вам о структурализме.

На этом я с Вами прощаюсь и желаю Вам всего наилучшего.

Тертая редька

Как всегда, Человек-Верблюд проковылял по лестнице в подвал с подносом еды в руках. Он был, как и прежде, уродлив и грязен. Вернее сказать, с каждым днем Человек-Верблюд становился все грязнее и уродливее. Из носа текли сопли, в одном глазу был пузырь с чем-то мутным внутри. Желтые и поломанные зубы торчали вперед, уши заляпаны грязью, длинные волосы покрыты перхотью так, что при каждом шаге всюду сыпалась белая пыль. Что уж говорить о жуткой вони изо рта. Еду, которую он принес, я есть не собирался.

Когда я сказал ему об этом, Человек-Верблюд смачно харкнул в тарелку с супом и радостно ответил мне:

– Как знаешь. Мне плевать, если ты здесь помрешь с голодухи. Тебе в любом случае конец. Он все равно один. Вааще. Хе-хе-хе-хе.

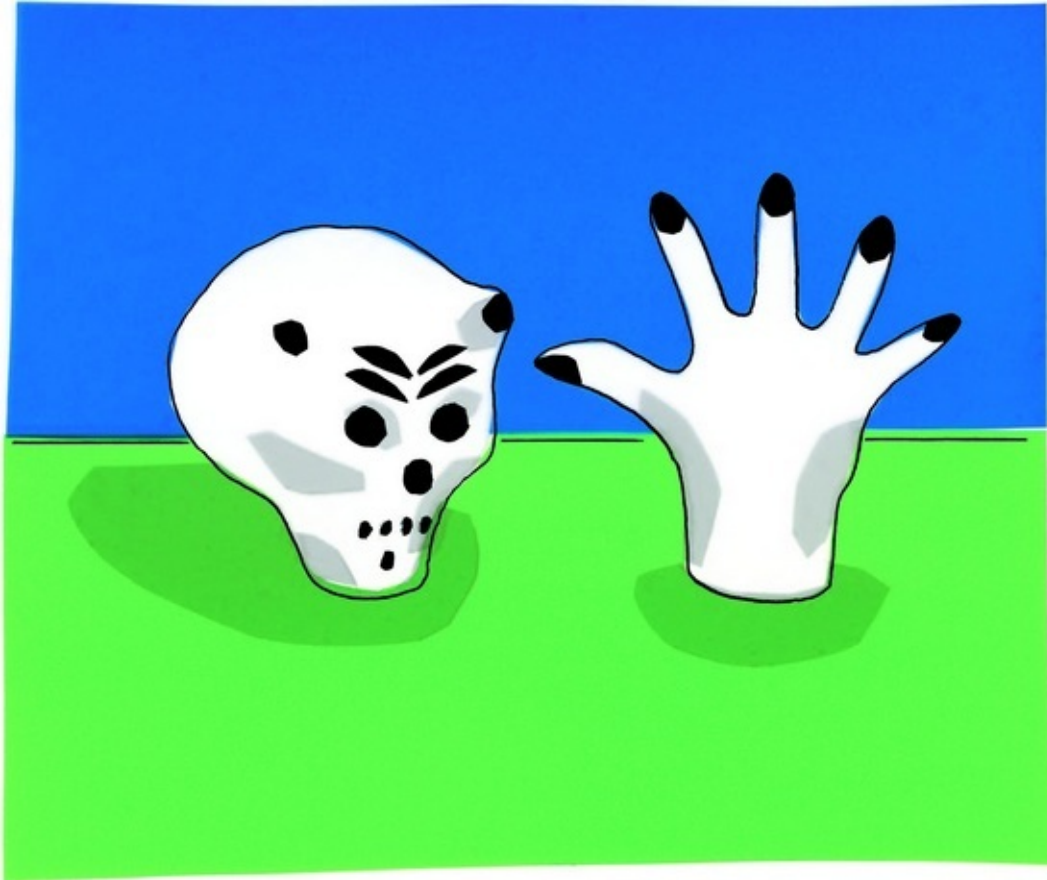
В другой ситуации один или два Человека-Верблюда меня бы не пугали. Но сейчас обе мои руки были крепко прикованы толстенной цепью к стене. Человек-Верблюд вытащил огромный термокаутер, который долго пролежал в очаге, поднял его раскаленным докрасна кончиком в воздух и с удовольствием оглядел его.

– Хе-хе-хе-хе. Как только хозяин вернется – развлечется с тобой как следует. Сколько интересного он с тобой сделает. А я ему помогу. Никто не собирается убивать тебя быстро. Ты будешь очень долго страдать. А в конце концов умрешь. Всякую скотину, забывшую страх перед богом, всякую скотину, что посмеет пальцем дотронуться до хозяйки, ждет жуткий

конец. Вааще.

В подвале и правда собрали различные орудия пыток, Человек-Верблюд не обманывал. Тиски, чтобы плющить пальцы, воронка и шланг для пыток водой, пестики для льда, щипцы, плети с шипами, а на полке с пластинками – сборники Тома Джонса и «Аббы».

– Вашей хозяйки трогать пальцем я и не думал, вааще, – сказал я, а потом поправился: – Не прикасался я к вашей хозяйке.

Не знаю, на каком диалекте говорил Человек-Верблюд, но, похоже, я заразился от него этим «вааще».

– Я только ведь ей чаю налил.

Человек-Верблюд расхохотался и громко пукнул.

– Так-так, так-так, я все понял. Твои глаза в тот момент просто горели похотью. Наливая ей чаю, ты думал об оральном сексе. По твоему взгляду это было сразу понятно. Я вааще не дурак.

– Вовсе нет. Я думал о тертой редьке, которую буду есть на ужин, – сказал я.

– Вот, видишь. Видишь. Все именно так, как я и говорю, – самодовольно произнес Человек-Верблюд.

– Эй, стой-ка. Что значит – «именно так»? – возразил ему я, однако Человек-Верблюд не желал меня слушать.

– Ты будешь долго страдать в этом подвале, а потом умрешь. Вааще. Хе-хе-хе-хе.

А я ведь и правда думал о тертой редьке.

Автоответчик

Больше всего на свете я не люблю автоответчики. Поэтому, узнав, что мама установила себе дома автоответчик, я специально поехала к ней – высказаться. Дорога от моей квартиры до нее занимает больше часа на электричках с пересадкой. Но поскольку я была просто в бешенстве, то решила лично сказать маме об этом автоответчике.

Я нажала кнопку звонка маминой квартиры на третьем этаже комплекса «Блю Скай» в Ханакоганэи, но мамы не оказалось дома. Вместо нее дверь открыл автоответчик в облике моей мамы.

– Вы позвонили Торияме по номеру 66947984. В настоящий момент меня нет дома. Пожалуйста, оставьте сообщение после звукового сигнала, – сказал мне автоответчик. После чего прозвенело мелодичное «динь-дон».

– Мама, что за шутки? Я на дух не переношу автоответчики. Они заставляют говорить, но это же одностороннее общение. Я не собираюсь разговаривать с твоей машинкой. Бесит меня это, – бросила я со злостью.

Но, приглядевшись повнимательней, я поняла, что автоответчик и правда очень похож на маму. Даже мелкие морщинки в уголках глаз, появившиеся у нее с возрастом, были те же. И я даже немного пожалела, что не сдержалась и высказалась резче, нежели следовало.

– Ну, лично к вам у меня претензий нет, – сбавила я тон. – Мне просто в принципе не нравится сам факт существования автоответчиков. Я совершенно не хотела задеть ваших чувств. Я говорила это лишь своей маме.

Автоответчик в мамином облике покачал головой и сказал:

– Ничего страшного, Кёко. Даже не думайте. Ведь мы автоответчики. Что бы про нас ни говорили или думали, ничего не поделаешь.

– После ваших слов мне и правда неловко, – сказала я. Такое чувство, будто я – новая жена в семье, которая третирует свекровь.

– Раз вы здесь, может, войдете и выпьете чаю? Нам подарили мармелад «Торая»^[14], – предложил мне автоответчик.

– Да, с удовольствием, – ответила я. Ведь я ужасно люблю мармелад «Торая».

Чулки

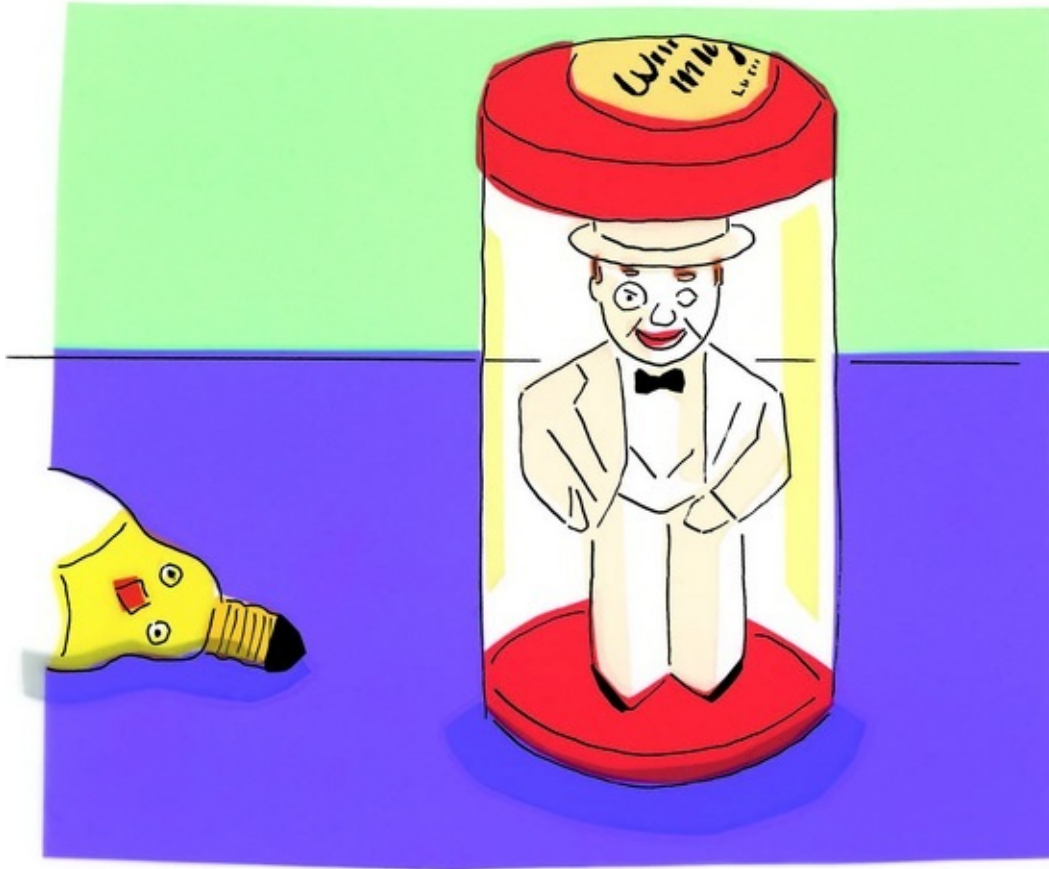

Готовы? А теперь давайте представим.

Перед вами маленькая комната. На третьем или четвертом этаже. В окно видно другое здание. В комнате никого нет. Вот входит мужчина. Ему еще нет тридцати, он бледен. Возможно, у него и красивое лицо, но сказать затруднительно. Он худощав, ростом 172 сантиметра или около того.

Ну что, получилось?

У него в руках дорожная сумка из черного винила. Мужчина ставит ее на стол в центре комнаты. Кажется, в сумке что-то тяжелое. Мужчина открывает молнию на сумке и достает то, что внутри. Сначала – черные женские чулки. Не колготки, а именно чулки, такие носили раньше. Всего он вытаскивает около дюжины чулок. Но его, похоже, чулки совершенно не интересуют, он толком и не смотрит на них, просто бросает на пол. Затем из сумки появляются черные туфли на высоком каблуке – он тоже бросает их на пол. После этого – большую магнитолу. Глянув на аппарат, мужчина без особого интереса ставит его на пол. Судя по виду, мужчина все больше раздражен. Затем из сумки появляются пять или шесть пачек сигарет. Крупный план. Мужчина срывает ленточку с пачки, вытаскивает сигарету и закуривает. Затянувшись два-три раза, качает головой и тушит сигарету о подошву ботинка.

Тут неожиданно звонит телефон. Дзынь-дзынь-дзынь. Мужчина осторожно снимает трубку.

– Алло? – спокойно спрашивает он. Ему что-то отвечают. – Нет, вы ошибаетесь, – говорит мужчина. – Совершенно ошибаетесь. Я не держу кошку и не курю сигарет. А сырных крекеров не ел уже лет десять. Вот именно. Я не имею никакого отношения к событиям на ветке Фукутияма. Абсолютно никакого отношения. Вы меня поняли? – И мужчина вешает трубку.

Из дорожной сумки возникает полупустая пачка сырных крекеров. Потом опять чулки. На сей раз мужчина сильно растягивает один чулок, затем проверяет его на свет. Роемся в кармане брюк, wygrебаем всю мелочь и высыпает в пустую вазу рядом. Растянутый чулок он тоже засовывает в вазу.

И тут в дверь стучат. Тук-тук-тук. Мужчина прячет вазу в углу комнаты и осторожно открывает. В дверях стоит лысый коротышка с красным галстуком-бабочкой. Свернутой в трубочку газетой коротышка тычет в мужчину и твердо говорит.

Итак, вопрос.

Что же сказал лысый коротышка?
У вас пятнадцать секунд. Тик-так, тик-так.

Молоко

Вы, полагаю, пришли сюда купить молока? Ну что, не в бровь, а в глаз?

Нет-нет, не утруждайте себя ответом. Можете ничего не говорить, мне и без того понятно, уж по крайней мере – это. Я двадцать четыре года продаю здесь молоко. Я как увидела вас, сразу же смекнула. Ага, вот человек хочет молока, ему до того захотелось выпить молока, что он специально проделал такой путь. Ну, правда здорово? Хе-хе-хе, ведь не зря я продаю молоко уже двадцать четыре года. Стоит издалека и мельком взглянуть на человека – и сразу все ясно.

Но, несмотря на это, я не продам вам молока. Да, именно так, хе-хе-хе, не могу я продать вам молока. Вам продать не могу. Даже если вы будете рыдать и умолять меня, осыпать меня деньгами, вам я молока не продам. Наверняка вы подумали – отчего же? Почему только мне молока не продадут? Может, я что-нибудь плохое сделал? Хе-хе-хе. Вы ведь так уже подумали, верно? Нет-нет, вы не сделали ничего плохого. Ничего не сделали. Все дело в том, что я не хочу продавать вам молока. Неразумно? Просто эмоции? Хе-хе-хе. Вы поняли меня?

Когда продаешь молоко двадцать четыре года подряд, бывает, что именно такому человеку продавать молоко не хочется. Чистая правда. Я не обманываю. За два-три года нет-нет да и попадется такой человек. Хе-хе-хе-хе, чудное дело, но с первого взгляда понимаешь: вот именно ему я продать молоко не могу. Есть такие люди, которым просто не можешь продать. Немного, но есть. Хе-хе-хе-хе.

Да-да, именно так. Вам я молока продать не могу. Никак не могу. Хе-хе-хе-хе.

Хорошие новости

Уважаемые слушатели, добрый вечер. С вами – десятичасовые новости. Сегодня вечером в рамках особого проекта мы счастливы представить вам исключительно хорошие новости. Никаких плохих новостей. Будьте спокойны. Только приятные, хорошие новости, вызывающие теплые чувства.

Сегодня на рассвете крупный мексиканский танкер «Сьерра-Мадре» по неизвестной причине внезапно взорвался и затонул в водах недалеко от префектуры Тиба. К настоящему моменту из ста двадцати членов экипажа чудом удалось спасти тридцать пять. Спасенные с восторгом отзываются о непревзойденном мастерстве служб морской охраны. Какое счастье. Не зря говорят: «От одного бог отвернется, зато другого спасет».

Полицейским управлением Ооцука был задержан ученик средней школы, который в прошлую пятницу в Токио, район Бункё, квартал Отова Нитёмэ, напал на госпожу Фуэ Токусиму (72 года), ожидавшую перехода улицы у светофора, и, отрезав ей мочку уха, скрылся. По словам школьника, «у нее были такие большие мочки ушей, что я не сдержался и чикнул ножницами. Мне очень жаль. У меня только что закончился экзамен, я не смог ответить на много вопросов. Я ничего дурного не хотел». Госпожа Токусима прокомментировала ситуацию следующим образом: «Я уже стара и прожить без одной мочки смогу, а у молодого человека впереди

будущее, поэтому я хотела бы, чтобы к нему отнеслись снисходительно». Вот и правда говорят: «Мир не без добрых людей».

Актер Кансукэ Тасиро (52 года) совершил неудачную попытку самоубийства. Сегодня около двух часов дня в районе Сугинами Кугаяма он был обнаружен супругой в собственной комнате с петлей на шее, после чего экстренно перевезен в больницу. К счастью, из-за того что актера обнаружили почти сразу, его жизнь удалось спасти. По словам супруги, после операции по удалению раковой опухоли кишечника месяц назад господин Тасиро с трудом выплачивал взносы за лечение, к тому же психологически тяжело переживал, что ему в последнее время не предлагают ролей. Около полугода назад его сын погиб в автомобильной катастрофе, и с тех пор господин Тасиро стал совершенно другим человеком, подтверждают его соседи. По словам лечащего врача, господин Тасиро слишком долго оставался без доступа воздуха, вследствие чего его мозг утратил часть функций. Теперь, если даже он и поправится, вряд ли будет говорить. Однако главное – что его удалось спасти. Ведь говорят: «Разве могут цвести сухие цветы?»

Вчера около 11 часов вечера в сусечной в районе Аояма Сантёмэ

мужчина после ужина попросил счет, а потом неожиданно принялся бесчинствовать и кричать: «Вы что, издеваетесь надо мной, выставив такой маленький счет?» Затем он проткнул зонтом хозяина заведения, который попытался разъяснить ему ситуацию, молотком разбил стеклянную витрину, после чего прямо на месте происшествия был задержан сотрудниками полицейского управления Акасаки. Задержанный Сэйкити Аmano (48 лет) оказался сотрудником агентства недвижимости. Он сказал: «Я съел столько дорогих блюд, у меня достаточно денег, а счет оказался настолько смехотворным, что я и сорвался». Полицейские, ведущие расследование, с восхищением сообщили: «Такие трогательные истории в последнее время почти не встречаются».

Будем надеяться, что и завтра мы сможем порадовать вас такими же замечательными новостями. Спокойной ночи.

Эффективные ходули

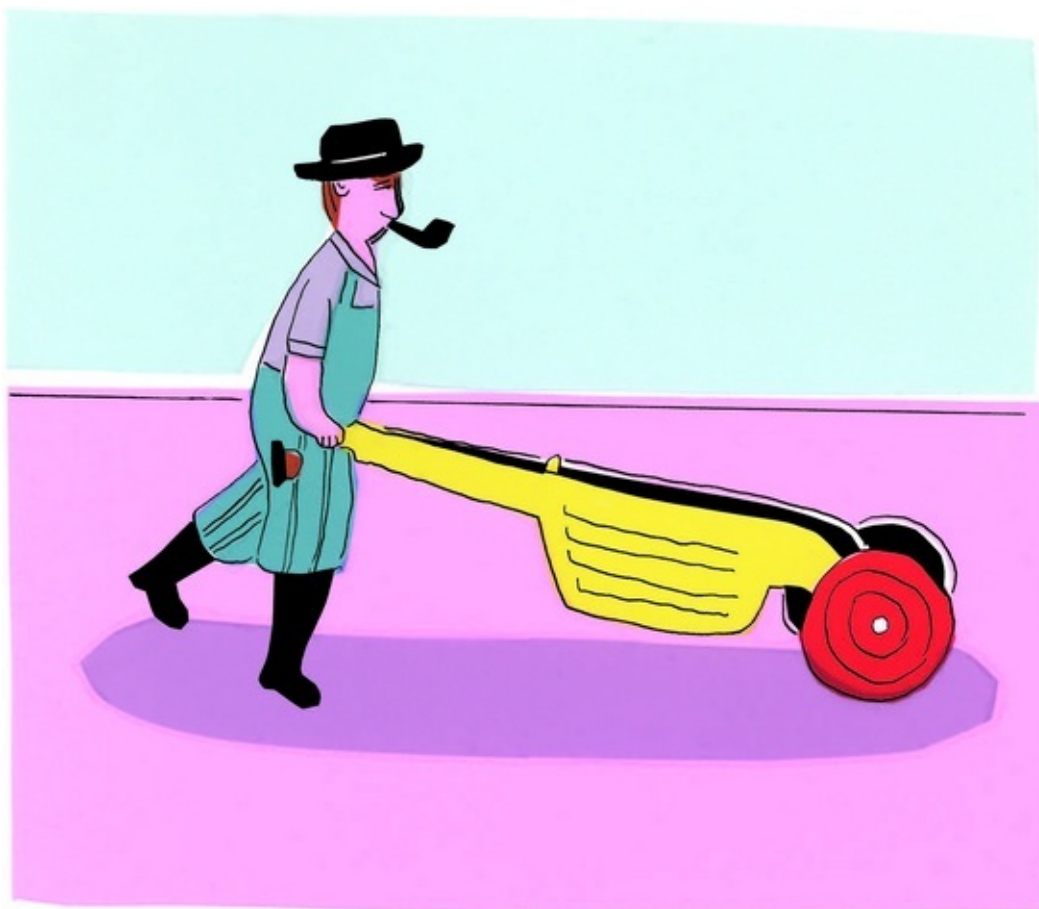
Как-то воскресным утром я тушил сушеную редьку и ко мне заявили эффективные ходули. Я открыл дверь и увидел, что они стоят у меня на пороге. Они были на голову выше меня.

– Полагаю, вы знаете, что на свете нет вторых таких эффективных ходулей, как мы, – с вызовом протараторили эффективные ходули.

Я удивился и замялся.

– А в чем конкретно проявляется эффективность ходулей? – наконец решился спросить я.

– Вот так так! Неужели вы не читали Хидэ Кобаяси? – протараторили ходули изумленно. После чего постучали о бетонный пол. – Вы что, не в курсе, что в сочинениях Хидэ Кобаяси встречается упоминание об «эффективных ходулях»?

К сожалению, я не прочел ни строчки из произведений Хидэ Кобаяси. Я закончил небольшой технический институт, занимался инженерными работами при районном совете Оода. Не думаю, что в моем окружении хоть кто-нибудь читал Хидэ Кобаяси. Когда я честно в этом признался, эффективные ходули сердито фыркнули. Видимо, поняли всю тщетность разговора с человеком, никогда не читавшим работ Хидэ Кобаяси. Но тем не менее не уходили.

– Извините, а какое у вас ко мне дело? – осторожно поинтересовался я у эффективных ходулей.

Может, они хотели продать мне книгу или еще что-нибудь. Я понадеялся, что это не так. Ведь до зарплаты у меня совсем не было денег.

– Хм, у нас нет никакого конкретного дела, – твердо сказали эффективные ходули. – Просто мы оказались у вас в коридоре, и нам вдруг захотелось узнать, насколько хорошо мы известны обществу. Способно ли оно ответить, кто такие эффективные ходули. Потому и постучались в вашу дверь.

Я поспешил извиниться за пробел в своих знаниях.

– Но вам не стоит расстраиваться из-за этого. Я ведь не все общество.

Эффективные ходули достали трубку из кармана, два-три раза пристукнули ею о ладонь, затем вновь убрали в карман.

– Кстати, вы не знаете, в мажоре или миноре написан струнный квартет Моцарта № 15, К. 421? – спросили меня эффективные ходули, словно пытались дать мне еще один шанс.

Я ответил, что не знаю. Да и откуда мне знать? Я с утра до вечера занят на работе, прокладывая новую канализацию.

Поблуднев, эффективные ходули ткнули в меня пальцем и закричали:

– Вот видите, вы и есть общество. – А затем хлопнули за собой дверь.

Я так и не понял, что это было, но, поскольку история эта никакого развития не имела, я сел за обед: рис и тушеная редька.

Зоопарк

– Послушай, Коитиро. Ты какой-то странный человек. Очень и очень странный.

– Ничуточки я не странный. Если кто здесь и странный – так это ты. Я полагаю, это вполне естественно, когда человек пытается осознать себя, понять, что его формирует. Как это действует и куда меня это приведет? Разве ты об этом никогда не думаешь?

– Ой-ой-ой.

– Что это значит – «ой-ой-ой»?

– Я просто удивилась, хе-хе-хе.

– Послушай, Сугако. Нельзя так издеваться над людьми. Людям свойственно серьезно размышлять. Если ты и дальше будешь так презрительно относиться к людям и смеяться над ними, тебе самой придется от этого пострадать.

– Смотри, смотри. Бык. Му-у-у-у.

– Ну хватит. Не вешай браслет на нос. Послушай, я прошу тебя, ты же человек, не надо так больше делать. И не надо больше надевать лифчик задом наперед и изображать из себя верблюда. Вон все уже смотрят на нас.

– Хм, как скучно. У тебя, Коитиро, совершенно нет чувства юмора. Раз у нас свидание в воскресенье в зоопарке, мы ведь не будем говорить о Ясперсе или Юнге. Давай поговорим о чем-нибудь повеселее, развлечемся на всю катушку.

– Но, Сугако, сам факт, что мы с тобой оказались в воскресенье в

зоопарке, уже многое сообщает нам о жизни и сознании. Самый важный фактор, поддерживающий наше сознание, – память. Наше сознание собирает воспоминания и может вызывать их при необходимости. Таким образом, оно состоит из множества мелких частей. А соответственно...

– Смотри, Коитиро, палтус!

– Ну довольно! Зачем ты улеглась на землю? Грязно же. Давай же, вставай. Вон дети над тобой смеются. Тебе ведь уже двадцать шесть лет. Может, пора повзрослеть немного?

– Коитиро!

– Что еще?

– Может, поменяемся ролями?

– Давай, – сказал я.

А затем встал на четвереньки и стал бегать вокруг нее.

– Иго-го, иго-го, я лошадка Санта! [\[15\]](#) Никто не хочет поиграть со мной в сумо?

– Ну хватит, Коитиро. Что еще за глупости? – сказала Сугако.

Продавец индии

Где-то раз в два месяца к нам приходит продавец индии. Стоит матушке сказать:

– Наверное, продавец индии к нам скоро заглянет, – и через два-три дня у нас на пороге возникает продавец индии собственной персоной, словно бы услышал. Поэтому я всегда ей говорю:

– Мама, не надо вспоминать этого продавца индии. Всякий раз, как ты его вспоминаешь, он к нам приходит.

И матушка всегда отвечает с сожалением:

– Может, и так, не стоит мне о нем вспоминать, – но вскоре об этом забывает и опять нет-нет да и сболтнет случайно: – Наверное, продавец индии...

И вот он опять стоит у нас на пороге.

Продавец индии – загорелый и голосистый дядька. За плечами у него всегда тяжелый мешок. Думаю, с моим отцом они ровесники, но выглядит продавец гораздо энергичнее. Глаза большие, широко распахнутые – словно не глаза, а два больших жука.

– Все это благодаря индии, – говорит он мне с гордостью. – Мальш, если будешь пользоваться индией, быстро повзрослеешь, станешь таким же сильным, как дядя, и проживешь жизнь, исполненную смысла.

То, что говорит «дядя», слишком сложно для моего понимания, однако всякий раз, когда я разговариваю с продавцом индии, мне кажется, будто меня за что-то ругают, – так на душе неспокойно. Иногда продавец индии бранит даже мою матушку. Просто невероятно. Ведь даже мой отец не смеет ее ругать.

– Хозяйка, так не годится. Вы что-то маловато индии последнее время берете. Как и не трогали с прошлого моего визита, – говорит со вздохом продавец индии моей матушке, проверяя полки. – Я ведь вам всегда говорю: если не будете принимать ее регулярно, никакого эффекта не будет. Эй, ну-ка посмотрите на малыша. Даже блеск в глазах вон потускнел.

Наверно, в сон часто клонит, никаких сил не остается. Так не годится. Я по глазам все сразу же могу сказать. Стоит в глаза посмотреть – и разница сразу же видна. Вы мало используете индию. Вам не хватает индии. Вы что, своего сына не любите? Ведь любите же. Тогда нужно давать ему больше индии.

– Вы, конечно же, правы, – спешит оправдаться матушка. – Но к нам вот недавно заходил продавец бали, а он ведь наш сосед, нельзя не помочь и ему, а у нас не так много лишних средств. Я прекрасно понимаю, что индия очень хороша, но....

– Продавец бали! – Продавец индии повышает голос так, будто его водят за нос. – Послушайте, хозяйка, насчет этого продавца бали – там ведь только видимость, одна реклама. Если серьезно к делу подходить, вам нужна индия. Совершенно другое действие.

И в результате матушка опять вынуждена купить немного индии. Глядя на это, я все время думаю: продавец индии – просто невероятный тип.

Над потолком

О том, что у нас над потолком живет гном, жена сказала мне первого января.

– Дорогой, открой-ка дверцу в потолке, проверь, – сказала мне жена.

В тот момент я смотрел телевизор и с удовольствием попивал пиво. Мне ничего не хотелось делать, несмотря на ее заявление.

– Гном? Какой еще гном? – недовольно спросил я жену. – Как его зовут?

– Наоми, – ответила жена.

– Это мужчина или женщина? – спросил я.

– Я не знаю, – ответила жена, покачав головой. – Я знаю только имя.

Ничего не поделаешь, пришлось взять фонарик и посмотреть, что у нас там над потолком. Потолок можно открыть, если забраться на верхнюю полку встроенного шкафа. Я вытащил один лист фанеры и осветил фонариком межпотолочное пространство. Но гнома не было.

– Его нигде нет, – сердито бросил я жене.

– Нет, Наоми там. Ты просто не видишь. А я это знаю.

– Ты просто устала. Выпей какого-нибудь лекарства и выспись как следует. Утром ты уже и думать забудешь о каких-то гномах.

Но жена так просто не сдавалась. Все время рассказывала мне о Наоми, что живет у нас над потолком.

– Наоми живет над потолком и все время следит за нами. Наоми знает о нас все, – говорила жена.

После этого мне уже стало как-то не по себе. Я еще раз решил посветить фонариком над потолком. И на сей раз увидел Наоми. Оказалось – маленькая собачка, ростом всего 12 сантиметров. Лицо – точно как у моей жены. Пестрый песик с хвостиком. Сидел и внимательно смотрел на меня. Увидев песика, я вздрогнул, но не попятился.

– Эй, ты что там делаешь? Ты же у нас над потолком сидишь. Нельзя забираться в чужие дома. Убирайся, исчезни. Идиот.

Наоми внимательно посмотрел мне в лицо и ничего не сказал. Его взгляд был холодным и твердым, как маленькие льдинки.

Я вернул на место фанеру и вылез из шкафа. В горле страшно пересохло. Хотелось глотнуть пива. Но это был уже не мой дом. Там не было телевизора, не было холодильника, не было жены, не было января.

Мосёмосё

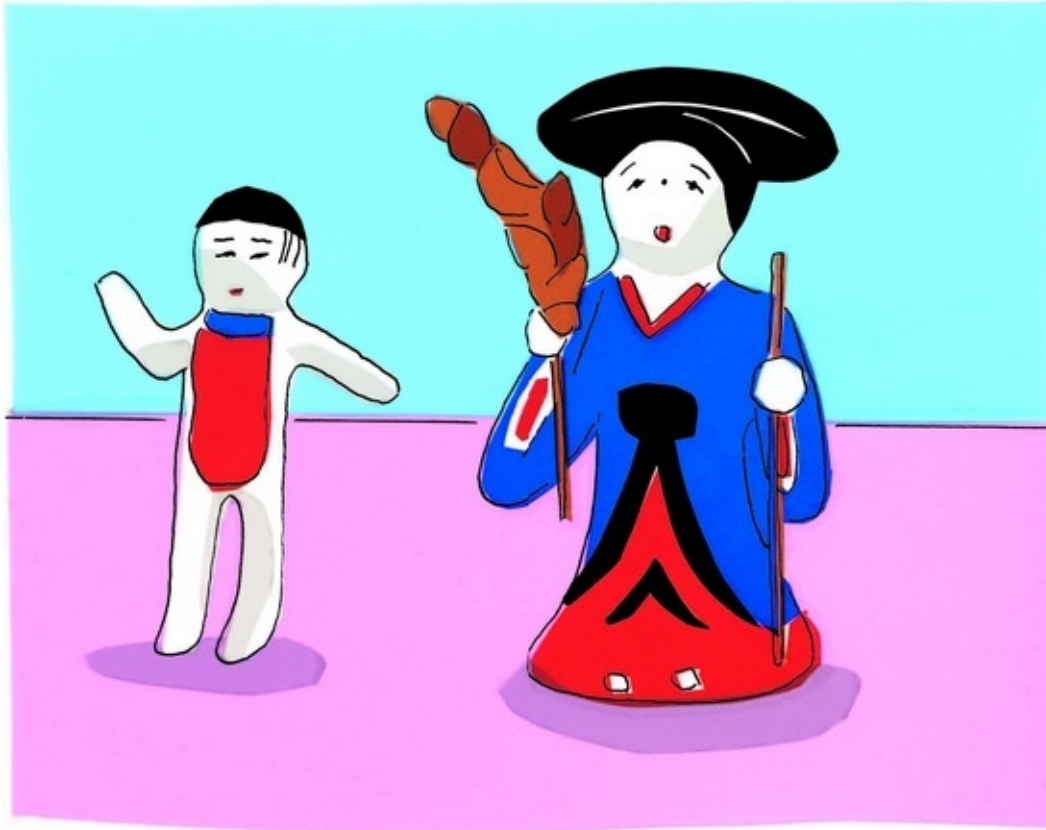

После того как я помог в понедельник Ботёботё, в среду ко мне заявила Мосёмосё.

– Ох, такое спасибо вам, сэнсэй, вы уж так помогли на днях Ботёботё, – сказала Мосёмосё.

– Я ничего особенного не сделал. Любой японец поступил бы на моем месте также, – сказал я. Ведь я довольно скромн.

– Нет-нет, ну что же вы так неискренни со мной? Уж с кем с кем, а с Мосёмосё вы можете не скромничать, – сказала она и принялась размахивать перед лицом руками, словно веером. – После того, что сделали, вы, может, и сочтете это недостойным вознаграждением, но будьте уж любезны, примите как выражение нашей признательности.

С этими словами Мосёмосё протянула мне бумажный пакет. Заглянув внутрь, я обнаружил там курякуря.

– Ой, послушайте, я никак не могу это принять. Ведь это же курякуря, – поспешно сказал я.

– Неужто вы не любите курякуря? – спросила Мосёмосё.

– Что вы, как же можно его не любить, но...

– Ну, тогда чудненько, сэнсэй. Если будете сопротивляться, я просто положу его здесь. Пользуйтесь в свое удовольствие.

Я довольно долго сопротивлялся, но в конце концов Мосёмосё оставила пакет с курякуря в прихожей и удалилась. Я не знал, что делать, и засунул пакет поглубже в шкаф. Не могу же я оставить его в прихожей. Если супруга найдет – как пить дать неверно истолкует. Кто же поверит, что это Мосёмосё в благодарность принесла. Надо было тогда не вмешиваться и сделать вид, что я не знаю Ботёботё. Не надо было лезть куда не просят со своей добротой. Теперь вот ведь в какую историю влип.

Я весь измучился от мыслей и наконец позвонил Ботёботё.

– Слушай, ко мне только что заходила Мосёмосё, оставила мне курякуря. Говорит, в благодарность. Послушай, я теперь влип.

– Да ладно вам, сэнсэй, не принимайте близко к сердцу, – сказал

Ботёботё. — Из-за налоговых служб Мосёмосё все равно бы пришлось его отдать кому-нибудь. Забирайте, забирайте. Вещица ведь отменная. А вашей женушке я и сам все как следует объясню. Все нормально, забирайте.

И теперь я каждый день наслаждаюсь курякура. Вещица и правда оказалась куда лучше, чем я думал. Теперь я ее уже не отдам.

A Hard Rain's A-Gonna Fall

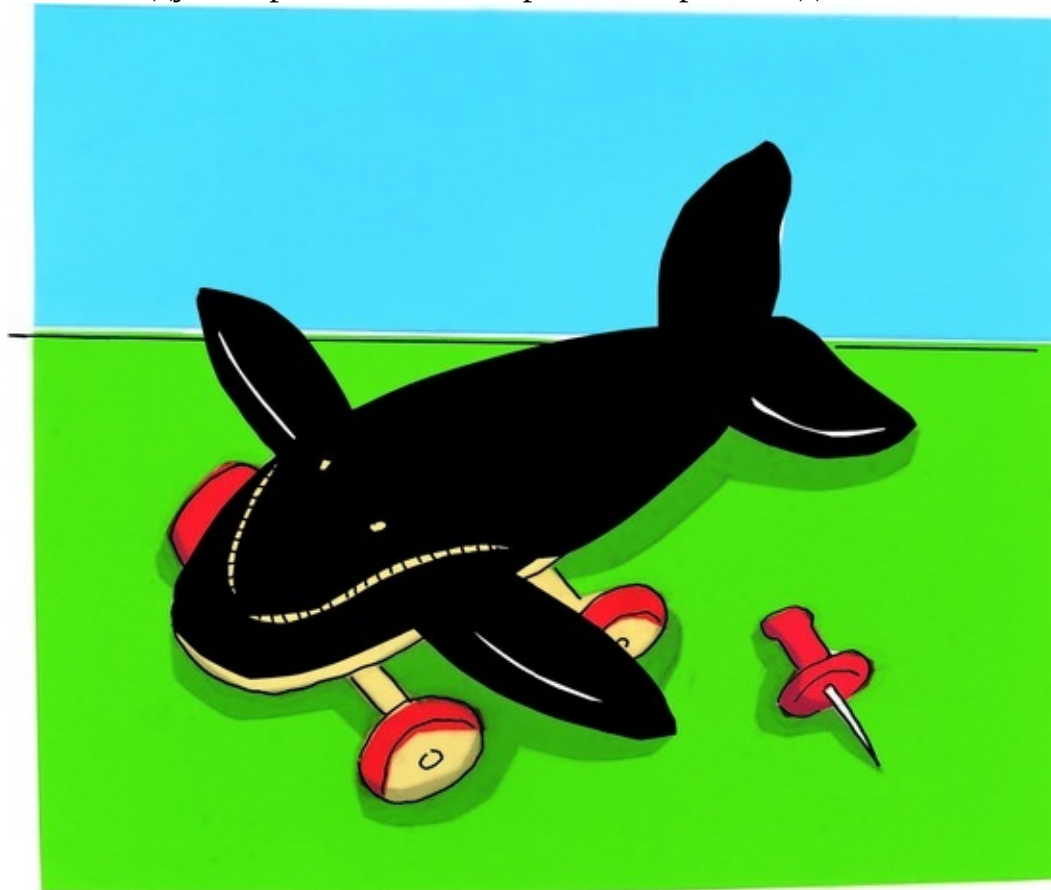

Это не рассказ, а быль.

В то время я жил в Кокубундзи, и вот однажды сел в электричку, чтобы съездить за хлебом в булочную «Saint-Germain», что на станции Мусасикоганзи. Почему я поселился в Кокубундзи и почему нужно было специально ехать за хлебом на электричке в «Saint-Germain» в Мусасикоганзи (хотя это всего лишь одна остановка), объяснять слишком долго, поэтому я и не стану. Вот, например, сейчас я сижу у себя в квартире в Бостоне, в футболке «Banana Republic», пью кофе из огромной кружки, слушаю CD «Величайшие хиты Боба Дилана, выпуск 2», недавно купленный в магазине «Tower Records», и записываю эту историю. Однако если начну объяснять все приведшие к этому обстоятельства, пущусь рассказывать, какой своевольный ветер занес меня, словно лист, в это место, придется написать целую книгу. Нет, честное слово, напишу книгу. Одну главу о футболке из «Banana Republic», другую – о Бобе Дилане... в таком вот духе. Правда, сомневаюсь, что эту книгу захотят читать.

Поэтому я решил не вдаваться в лишние пояснения. Ведь это всего лишь очень короткий рассказ. Поэтому просто представьте, как я сел в электричку с Кокубундзи, чтобы купить хлеба в булочной на Мусасикоганзи. Мне двадцать с небольшим, у меня длинные волосы. На мне яркая бейсбольная куртка (до сих пор у меня), купленная в магазине «Backdgor» на Сибуя (интересно, существует ли магазин до сих пор?). Я пока еще не пишу романов. Я женат, и у меня три или четыре кошки.

Парламентская демократия во мне вызывает недоверие, и я ни разу не ходил на выборы. Трижды был на фестивале «Вудсток». Электрички центральной линии – кирпичного цвета (правда, что ли?), а за окном – осень. Пусть у страны и огромные долги, пусть «Yomiuri Giants»^[16] и одержали победу, все равно осень – красивое время года.

Однако перед турникетом на станции Мусасикоганэи я обнаружил, что потерял свой билет в электричке. Перерыв все, что можно, я так и не смог его найти. Он как будто провалился во временную дыру. Наверное, вы удивитесь, как же можно потерять билет всего за одну остановку. А может, и не удивитесь (я ведь часто теряю билеты). Однако служащий станции Мусасикоганэи совершенно не хотел верить, что я приехал с Кокубундзи.

– Послушайте, господин пассажир, все, кто теряет билеты, говорят, что сели на предыдущей станции. Это просто раздражает, – неприязненно сказал он мне с таким выражением на лице, словно ему на ужин подали тарелку с горкой мелко нарезанной газеты; а я ведь действительно сел на станции Кокубундзи, чтобы съездить за хлебом.

За следующие двадцать лет со мной приключались разные неприятные

истории. Бывало так тяжело, что и заснуть не мог. Но я почти все уже забыл. Думаю, и дальше буду забывать. Ведь это ничто по сравнению с тем приятным осенним утром на станции Мусасикоганэи, когда мне не поверили, что я потерял билет, хех.

Лгунишка Николь

Лгунишка Николь жила в районе Дзингумаэ Нитёмэ. Иногда заходила ко мне в гости. Кто ей дал такое прозвище, я не знаю, но все соседи называли ее «лгунишкой Николь». Николь-то Николь, а на самом деле от макушки до пяток она была японкой. Почему ее стали так называть, я не знаю. Как бы там ни было, Лгунишка Николь и правда ловко привирала. Понимая, что она врет, все окружающие попадались на ее обман. Это невероятный талант. У меня бы так не получилось.

В прошлом месяце она зашла ко мне и сказала, что хочет мне открыть свой большой секрет. А затем выпалила с серьезным видом:

– По правде говоря, у меня от рождения три груди.

Я подумал, что это наверняка враки. Ведь передо мной – Лгунишка Николь. Да и я ведь не такой дурак.

– Ого, какой ужас, – парировал я как ни в чем не бывало.

– Я не вру, – сказала Лгунишка Николь и захныкала. – Это правда. У меня три груди. А у всех остальных людей – только по две.

– Это правда, – сказал я. Затем бросил взгляд на ее грудь. Насколько я мог разглядеть через белую блузку, под ней было всего две груди.

– Третья совсем маленькая, – объяснила мне Лгунишка Николь. – Она как раз немного торчит посередине. На ней и сосок есть. Я не вру. Мне так неловко, но вам я готова ее показать. Поэтому дайте мне десять тысяч иен.

С самого начала я понимал, что это ложь, но мне было любопытно, как она выкрутится, сочинив такую смелую историю. Я решил, что десять тысяч того стоят. Пару дней назад мне как раз заплатили гонорар.

– Ладно, если и правда покажешь, дам тебе десять тысяч.

– Мне так неловко. Вы не могли бы выключить свет? – сказала она и покраснела.

Я выключил свет в прихожей. Был уже вечер, темнело, но разглядеть,

две у нее там или три груди, наверное, можно. Лгунишка Николь медленно расстегнула пуговицы, а потом быстро распахнула блузку и опять запахнула. Вроде бы между чашечек лифчика мелькнул какой-то бугорок. Но мне показалось – из папье-маше.

– Я не очень рассмотрел. Можно еще раз и помедленнее? А то не заплачу, – недовольно сказал я.

Лгунишка Николь вдруг повалилась на пол и зарыдала в голос.

– А-а-а, значит, и писателям нельзя доверять. Какая же я дура! Открыла свой самый постыдный секрет, а он нарушил обещание. Лжец, лжец. Извращенец. Подонок.

Тут весьма некстати пришел почтовый курьер Ямато Куронэко с посылкой, поэтому пришлось дать ей десять тысяч. Не мог же я допустить, чтоб она и дальше орала у меня под дверью. Но это было папье-маше, точно.

Ярко-красная горчица

Подумав, что самое время размять матери плечи, я вышел на залитую солнцем веранду, но матери там не обнаружил. Лишь в саду смеялась ярко-красная горчица. На веранде валялась только плоская подушка.

– Ха-ха-ха-ха-ха-ха, – в голос смеялась горчица. Такой смех, будто читала слог «ха», написанный в ряд.

Я огляделся, но матери нигде не было видно.

– Мама! – крикнул я громко.

Мне, однако, никто не ответил.

А горчица смеялась себе дальше:

– Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха.

– Где моя мама? – строго спросил я у горчицы с веранды.

Но ярко-красная горчица ничего не могла ответить. Она хохотала:

– Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха.

– Эй, ты же наверняка знаешь, где моя мама. Она ждала меня здесь, на веранде, пока я не приду помассировать ей спину. У нее больные ноги, и далеко уйти она не могла. А ты все это время была здесь, значит, видела, куда подевалась моя мама. Хватит ржать, немедленно отвечай. Некогда мне тратить на тебя время.

– Ха-ха-ха-ха, – засмеялась горчица еще громче. – Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха.

– Неужели ты съела мою маму? – с тревогой спросил я.

– Ха-ха-ха-ха, ха-ха-ха, ха-ха-ха-ха-ха, – только и ответила горчица,

разразившись очередным приступом безудержного смеха.

Я никак не мог понять, что смешного она увидела. Но тут мне и самому стало смешно. Невольно дрогнули щеки, а губы сами собой растянулись в улыбку.

– Ты что, правда съела мою маму? – спросил я, давясь от смеха, а затем расхохотался по-настоящему. – Ха-ха-ха-ха, – смеялся я так, словно читал слог «ха».

Увидев, что я смеюсь, горчица закатилась пуще прежнего.

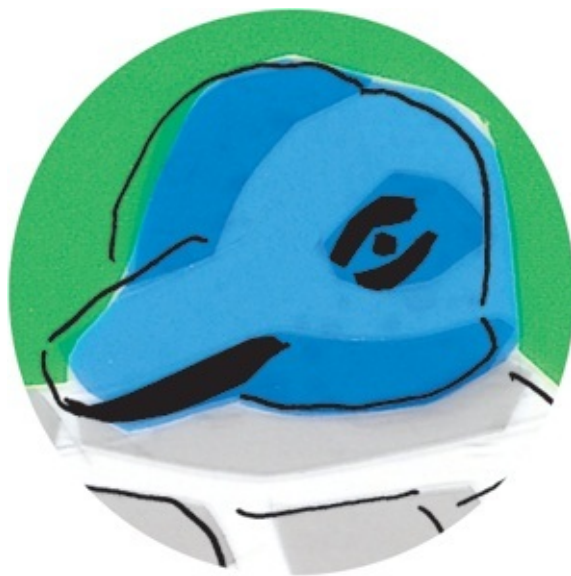

Она смеялась, надрывая животики, и каталась по земле. Она уже тяжело дышала, а на лбу у нее выступил пот. Но смеяться не переставала. Наконец от смеха у нее началась икота, и она стала подпрыгивать на месте. И вот когда у нее в очередной раз скрутило живот, изо рта выпрыгнула моя мама.

– Ну и ну, вот так так, – сказал я, покачивая головой.

Мама всегда умела щекотать мастерски.

О паровозном гудке в ночи, или О пользе историй

Девушка спросила молодого человека:

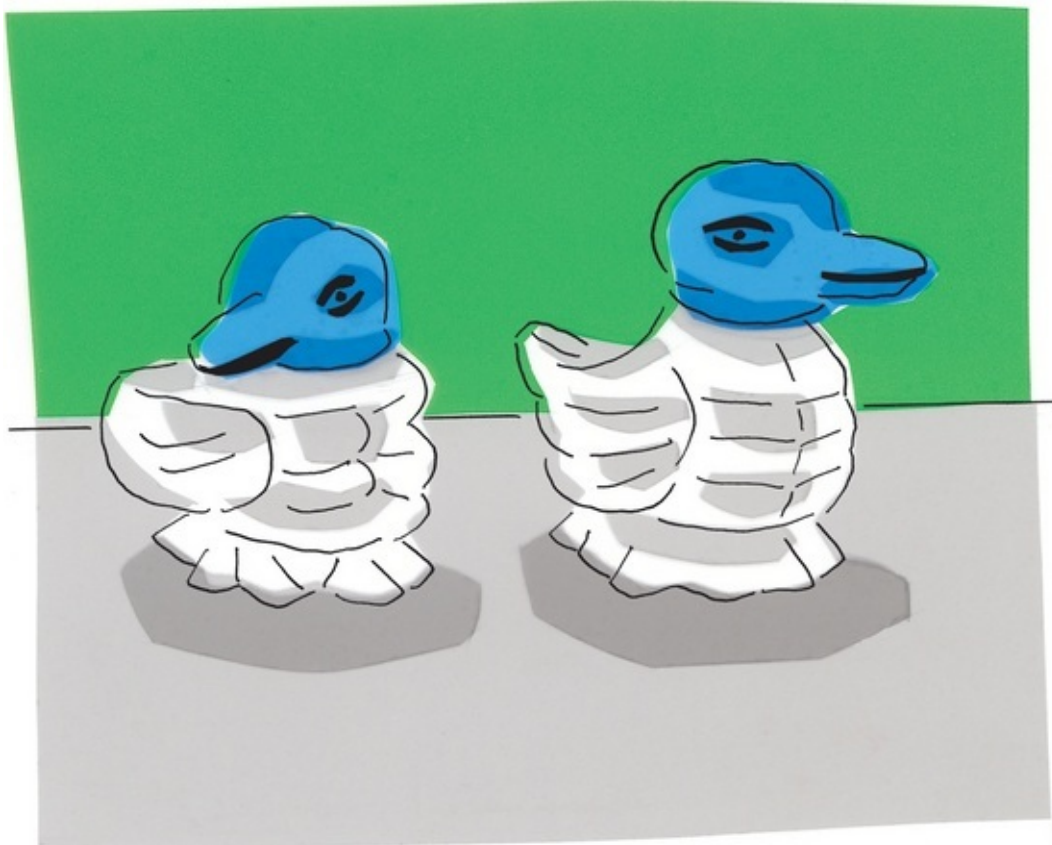
– Как сильно ты меня любишь?

Молодой человек подумал немного, а потом тихо ответил:

– Как паровозный гудок в ночи.

Девушка помолчала, ожидая продолжения. Ведь за такими словами наверняка должно следовать что-то еще.

– Как-то я проснулся среди ночи, – начал рассказ молодой человек. – Не знаю, во сколько именно. Может, часа в два или три. Где-то так, наверное. Хотя на самом деле совершенно неважно, который был час. Стояла глубокая ночь, я был совершенно один, ни единой живой души вокруг. Понимаешь? Попробуй себе это вообразить. Вокруг совершенно темно, ничего не видно. Никаких звуков. Даже не слышно, как стрелки часов выбивают такт времени. Возможно, часы остановились. И я чувствую, что вдруг оказался невероятно далеко от тех людей, которых знаю, от тех мест, что мне знакомы, – словно бы меня разлучили со всем этим. И я понимаю: сейчас в этом огромном мире никто меня не любит, никто не окликнет меня, никто не вспомнит обо мне. Даже если я возьму и исчезну, никто этого даже не заметит. Будто меня сунули в металлический ящик с толстыми стенками и сбросили на самое дно моря. Из-за перепада давления болит сердце, кажется, еще чуть-чуть – и меня разорвет на части. Понимаешь, что это за чувство?

Девушка кивнула. Вероятно, она понимала.

Молодой человек продолжил:

– Наверное, ничего ужаснее человек не способен пережить. Так грустно и так горько, что и правда хочется умереть. Нет, не совсем так – не «хочется» умереть. Просто если и дальше все так пойдет, кислород в ящике закончится и ты умрешь. Это не просто пример. Так и бывает на самом деле. Вот что значит проснуться среди ночи в полном одиночестве. Ты ведь и это понимаешь?

Девушка опять кивнула. Молодой человек сделал паузу.

– Но тут откуда-то издалека доносится паровозный гудок. Очень и очень далеко. Даже не понимаешь, где железная дорога, так это далеко. И толком не осознаешь, слышал его или нет. Но я точно знаю: это паровозный гудок. Никаких сомнений. Я прислушиваюсь к нему в кромешной тьме. И вот еще раз. Сердце отпускает. Стрелки часов возобновляют ход. Железный ящик медленно всплывает на поверхность... И все это – из-за еле слышного гудка паровоза. Такого тихого, что еле слышен. Я люблю тебя, как этот паровозный гудок.

На этом короткая история молодого человека завершилась. И настал

черед девушки рассказать свою.

Бонус

УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ РАМЭН

(на мелодию «If I Had a Hammer»)

Жареный бамбук
Рамэн in the morning
И свиной бульон
Как же вкусен он
Пар идет от плошки
И от лука крошки
И это все что надо
my brothers
and ty sisters
А-а, чтоб счастье было всем.

Я дую на лапшу
Бамбуковое morning
И свиной бульон
Как же вкусен он

Мы с тобой согрелись
Щеки покраснелись
И это все что надо my brothers
and my sisters
А-а, чтоб счастье было всем.

Не забудь поесть
Рамэн in the morning
И будет день потом
Светом озарен
Ты откусишь нори^[17]
И увидишь вскоре
Это все что надо my brothers
and my sisters
А-а, чтоб счастье было всем.

Послесловие 1

Ультракороткие рассказы (вероятно, это странноватое название, но другого мне не приходит в голову) этого сборника на самом деле были написаны для серии журнальной рекламы. Первая часть – для марки одежды «J. Press», вторая – для перьевых ручек «Паркер». Хотя, как видите, содержание рассказов совершенно не связано ни с одеждой, ни с перьевыми ручками. Я просто написал их по собственному вкусу, Андзай Мидзумару сделал для них иллюстрации, а рядом с ними в журнале как-то виновато опубликовали рекламу товара. Серия рассказов для «J. Press» печаталась в журнале «Men's Club», серия для ручек – в журнале «Тайё». Не знаю, насколько эффективными они оказались с точки зрения рекламы, – и, честно говоря, даже думать об этом не хочу.

Автором идеи опубликовать рассказы как рекламу и заказчиком стал Сигэсато Итои, который сказал мне: «Ты просто напиши что-нибудь. Главное – чтобы тебе самому понравилось». И вот так несколько лет я раз в месяц писал по одному рассказу. Работа принесла мне массу удовольствия, а потом несколько лет спустя мы поговорили с Андзаем Мидзумару и решили, что хотим «еще разок это сделать». На сей раз нашим спонсором стали перьевые ручки «Паркер». Поэтому в новой серии рекламы мы использовали ту же идею господина Итои еще раз, только с другой фирмой.

Наверняка некоторые читатели подумают: «Как ведь сложно, должно быть, каждый месяц сдавать по рассказу» (хотя на самом деле так не сказал ни один человек), – но, если честно, здесь ничего сложного не было. Получилось так, что одновременно с этой серией рассказов я напряженно работал над большим романом, поэтому писать время от времени по рассказу оказалось очень полезным для разрядки и смены настроения. Честно признаться, мне нравится писать рассказы, пусть они даже и для разрядки не годятся, а порой практически не имеют смысла. Но, несмотря на все эти признания, мне все же пришлось немало попотеть. Не то чтобы я лежал себе под грушей и ждал, когда плод свалится прямо мне в руки. Нет, наверное, это все-таки не так.

На самом деле для рекламы я написал больше рассказов, но при составлении книги пришлось убрать восемь и дописать два новых, чтобы сохранить общее настроение.

Работать вместе с Андзаем Мидзумару, как и всегда, было приятно и легко. Лучше всего здесь подходит английское выражение «nice and easy».

Мне часто доводится работать с этим художником, в его иллюстрациях всегда есть то, что помогает автору и поддерживает помещенный рядом текст. Из-за размеров изображения Андзаю Мидзумару пришлось перерисовать все иллюстрации к первой части рассказов.

Последняя в сборнике «Утренняя песня рамэн» была сочинена, когда я стал размышлять, что получится, если написать японский текст для песни Пита Сигера «If I Had a Hammer». Почему я вообще об этом задумался, и сам не могу вспомнить. Но после изматывающих размышлений я пришел к выводу, что иной рифмы к слову «hammer» (хэмма), кроме как «мэмма» (китайский бамбук), не придумать. На самом деле я терпеть не могу рамэн и даже, проходя мимо лапшичных, нос ворочу. Но почему-то я написал эту песню рамэн, словно сама судьба потянула меня за собой и заставила это сделать. Если вам понравилось, пойте на здоровье.

«Ярко-красная горчица» пришла мне на ум, когда я вспомнил детскую песенку «Постучим маме по спине... Ярко-красная горчица смеется»^[18]. Я с самого детства думал: интересно, какое выражение лица у горчицы и как она смеется? Не сказать, что я доволен тем, как разрешился этот вопрос, мучивший меня годами: в стиле Тоуба Хупера. Но тем не менее...

Ни у кого из героев или организаций, представленных в этом сборнике, нет реальных прототипов. Например, издательство К. из рассказа «Картофельные крокеты» не имеет ничего общего с издательством «Коданся». «Лгунишка Николь» никакого отношения не имеет к производителю одежды «NICOLE». В университете Дзёти нет Общества по изучению пончиков. По крайней мере, насколько мне известно. «Атака старика Мусикубо» не имеет никакой связи с домом престарелых «Мусикубо» в городе Ооисо префектуры Канагава.

И напоследок хотелось бы поблагодарить господина Сигэтоси Итои за разрешение повторно использовать его идею. Ведь без нее бы не было и цикла. По собственному почину я вряд ли написал бы тридцать – сорок рассказов. Также я благодарен господину Мотохиро Исии из офиса Итои за помощь в публикации.

Кроме того, хотелось бы поблагодарить госпожу Мидори Огу, которая стала редактором журнальной серии второй части рассказов и редактором этого сборника. Возможно, вы не поверите мне, но совпадение ее имени с прозвищем героини одного рассказа исключительно случайно.

Харуки Мураками

1 апреля 1995 года

Послесловие 2

Началась рекламная серия для «J. Press», которую мы делали вместе с господином Харуки Мураками, уже довольно давно. Работали мы тогда не в четвертом квартале Минами Аояма, а в пятом. Хотя я написал, что это случилось довольно давно, из пятого квартала в четвертый я переехал около четырех лет назад. Значит, это было больше четырех лет назад.

Из окон нашего офиса в четвертом квартале был виден сад соседнего дома со множеством деревьев сакуры, поэтому весной за работой можно было любоваться цветением. Было очень здорово рисовать иллюстрации для «J. Press», глядя на сакуру. Господин Мураками всегда очень пунктуально сдает рукописи, за что я ему признателен. Мне хватало времени на работу. Кто-то решит, что на мои иллюстрации особенно много времени и не требуется, и будет прав, но если что-то в работе не ладится, я и спичку могу сто раз перерисовывать, и она все равно меня не устроит. Это не такое дело, в котором достаточно посидеть несколько ночей – и все получится.

Для публикации работ отдельным сборником мне пришлось заново перерисовать все иллюстрации, которые я делал для серии «J. Press», поскольку в журнале они были вытянуты по вертикали, как бумажный пакетик для одноразовых палочек. Такой размер не очень вписывается в книжный формат.

Женщина на суперобложке этой книги (издание в картонной коробке) уже использовалась на задней обложке сборника рассказов «Счастливый конец фабрики слонов». Она оказалась очень популярна, и художественный редактор этой книги Ясуси Фудзимото настоял на ней. Только теперь у нее сережки – для книги я и заднюю обложку перерисовал.

В любом случае, сюрреалистичные короткие рассказы господина Мураками радуют меня каждый раз. Они – будто коробочка с чертиком: никогда не знаешь, что оттуда выскочит. Они всегда держат в напряжении. И немного веселят – а потом появляется странное чувство, в голове щелкает некий тумблер, и образ превращается в картинку.

Последнее время господин Мураками живет в Бостоне, но благодаря этой работе у меня было ощущение, будто мы обмениваемся письмами. Его рукописи аккуратно приходили каждый месяц.

За помощь в работе над этой книгой я благодарен очень многим людям. Большое вам спасибо.

Андзай Мидзумару
10 апреля 1995 года

notes

Примечания

Astro Boy (или Tetsuwan Atom, *яп.* «Могучий Атом») – манга (с 1952) и черно-белый мультсериал (с 1963) японского художника Осаму Тэдзуки (1928–1989), заложивший основы современной аниме-стилистики. (*Здесь и далее прим. перев.*)

Комнатный обогреватель, вделанный в стол и накрываемый сверху одеялом.

Площадь помещения в Японии традиционно измеряется в татами, или «дзё» (1,62 кв. м).

Эпоха Сёва отсчитывается с 1926 г. Соответственно, речь идет о 1971 г.

«Southern All Stars» (SAS, с 1978) – японская поп-рок-группа. «Itoshi no Ellie» – их третий сингл (1979).

Университет Дзёти (Sophia University) – токийский частный университет, осн. в 1913 г., один из ведущих в Японии.

JAL(Japan Airlines) – авиакомпания «Японские авиалинии», осн. в 1951 г.

Набэ – горячее блюдо, в котором различные ингредиенты тушатся в одном горшке.

Текстовыми процессорами в 1970—90-е гг. называли предназначенные для набора и печати текстов машинки индивидуального и офисного использования, состоящие из клавиатуры, встроенного компьютера для простейшего редактирования текста, а также электрического печатного устройства.

Традиционный японский завтрак или ланч в коробке, который берут с собой в дорогу или на работу.

От *яп.* «огаму» – поклоняться, «тори» – птичка, кланяющаяся птичка.

Токийский университет, осн. в 1873 г.

Академический театр современной пьесы, осн. в 1944 г.

Специализированный магазин по продаже японских сладостей.

«Я Санта!» – радиопостановка(1950) по мотивам «Рассказов о Санте» (1946) детского автора Сигару Аоки (1897–1982). Главный герой – мальчик по имени Санта, увлекающийся борьбой сумо.

«The Yomiuri Giants» (*яп.* Yomiuri Jaiantsu от *англ.* «Гиганты “Ёмиури”») – старейшая японская профессиональная бейсбольная команда, осн. в 1934 г.

Сушеные водоросли.

Песня композитора Синбэя Накаямы (1887–1952) на стихи Ясо Сайдзё (1892–1970).